

RESEARCH

«ФЕМИНИННОСТЬ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.В.Зарецкий

Эрланген, Германия

Summary: According to some cross-cultural studies carried out in the 1990s, Russia belongs to the so-called feminine cultures, whereas the majority of the countries of the Western Europe share the values of the so-called masculine cultures. Masculinity pertains to societies in which social gender roles are clearly distinct (i.e., men are supposed to be assertive, tough, and focused on material success, whereas women are supposed to be more modest, tender, and concerned with the quality of life); femininity pertains to societies in which social gender roles overlap (i.e., both men and women are supposed to share the same values which are more associated with the feminine ones). This article describes some aspects of the Russian grammar and vocabulary which could be linked to the femininity of the Russian culture in comparison with some aspects of various Western languages (English, German etc.) which could be linked to the masculinity. Dichotomy masculinity/femininity is compared to the more well-known dichotomy individualism/collectivism.

Аксиологическая система координат русской ментальности имеет среди прочих своих компонент и такую достаточно мало изученную составляющую, как фемининность. Целью этой работы является выявление возможных отображений фемининности на языковом уровне и её взаимодействие с другими составляющими национального характера русского народа, в первую очередь – с коллективизмом.

1. Фемининность на социокультурном уровне: краткий обзор

Поскольку исследователи западных стран темой фемининности/ маскулинности (далее ф/м) культур занимаются уже десятилетиями, имеет смысл вкратце ознакомиться с некоторыми результатами этих исследований. Одним из самых известных учёных в данной области является Геерт Хофстеде, проведший опросы населения в более чем пятидесяти странах мира и ставший автором одной из самых знаменитых книг по культурологии *Culture's consequences* [Hofstede 2002]. После его фундаментального исследования, впервые эмпирически доказавшего обоснованность разделения всех культур на коллективистические и индивидуалистические, маскулинные и фемининные и т.д., сотни исследователей со всего мира продолжили описание различных культур по предложенной им модели, благодаря чему мы имеем на сегодня некоторые данные, позволяющие говорить о категории ф/м на языке конкретных цифр.

К сожалению, качество этих работ не всегда соответствовало оригиналу Г.Хофстеде (который Россией не занимался), поэтому разброс в оценках степени фемининности русской ментальности остаётся достаточно большим. Следующие цифры должны несколько прояснить место России на шкале ф/м: самой маскулинной нацией мира являются японцы (95 пунктов), самой фемининной – шведы (5 пунктов). Ярко выраженной маскулинностью обладают США (62), Англия (66), Германия (66), Австрия (79), Италия (70), Венесуэла (73) и Ямайка (68); слабо выражена маскулинность у Норвегии (8), Коста-Рики (21), Финляндии (26) и Нидерландов (14) – все данные были получены Г.Хофстеде [Wienges 2003: 144]. По России можно найти следующие цифры: 47 пунктов [Viktorova 2005], 40 [Maignan et al. 2003: 27], 28 или 55 [Svennevig, Isaksson 2006], 36 [Hofstede 2002: 502]. Таким образом, Россию причисляют по результатам опросов либо к странам с достаточно слабо развитой маскулинностью (т.е. сильно развитой фемининностью), либо к странам, балансирующим на грани между двумя полюсами данной дихотомии кросс-культурного анализа. Результаты можно привести к общему знаменателю в том смысле, что к маскулинным культурам Россию не относит никто.

Главными отличительными чертами маскулинных культур являются постоянная и открытая, не осуждаемая конкуренция всех членов общества, стремление к полной независимости от социальных связей, уважение к сильным, активным и предприимчивым, чёткое разграничение социальных ролей между полами: мужчины должны быть сильны, агрессивны, их роль – добытчик в семье; от женщин ожидают нежности, скромности, их роль – воспитание детей. «Мужские» культуры придают относительно мало значения таким понятиям, как сострадание, сочувствие, сопереживание, как и другим чувствам и эмоциям, обычно ассоциирующимся с женщинами. Высоко ценятся воинственность, умение навязать свою волю, добиться чего-либо, получить высокий статус, деньги, максимум материальных ценностей и привилегий по сравнению с более слабыми членами общества (отношение к которым обычно презрительное). Сочетание маскулинности и ещё одного измерения кросс-культурного анализа – ярко выраженного страха перед неизвестным (*uncertainty avoidance*) – является социокультурным фундаментом фашистских режимов. Большинство стран с «мужскими» культурами показали достаточно высокие результаты на шкале индивидуализма, большинство «женских» – на шкале коллективизма (редкими исключениями оказались Япония и скандинавские страны), что противоречит широко распространённой на Западе идеологии о родстве культурологических предпосылок для возникновения коммунизма и фашизма (коммунизм Хофстеде ассоциирует с коллективизмом¹).

¹ «Communist political systems presuppose a certain level of cultural collectivism», «The weaker the individualism in the citizens' mental software, the greater the likelihood of a dominating role of the state in the economic system. The stronger the individualism, the greater the appeal of market capitalism. Both historically and geographically, individualism is linked with market capitalism, competition, and political democracy» [Hofstede 2002: 243, 245].

В фемининных культурах роли полов не столь чётко разграничены (женщины тоже занимаются заработком денег, а мужчины имеют право проявлять нежность и другие «слабости»), отношение к недостаточно успешным членам общества обычно снисходительное, зачастую сильно развит патернализм в форме обширной системы различных льгот, пособий, бесплатных услуг для наиболее социально незащищённых слоёв общества. Представители фемининных культур не ищут полной независимости от своего окружения, т.к. видят путь к успеху не в конкуренции с другими членами общества, а в кооперации с ними. Они строят сети социальных связей, где на всю жизнь остаются взаимозависимыми, где могут рассчитывать на реальную помощь своих близких и знакомых, но и сами должны быть готовы в случае необходимости оказать поддержку другим членам коллектива. Зачастую в фемининных культурах отношения между людьми более эмоциональные и открытые, чем в маскулинных, поскольку окружающие не воспринимаются в качестве конкурентов или врагов (т.е. потенциальной угрозы). Экономический эгалитаризм не допускает резкой социальной стратификации по доходам, а некоторая склонность населения к поддержке «левых» (т.е. просоциалистических) сил затрудняет или делает невозможным распространение той жизненной философии, которая лежит в основе маскулинных культур и которая воспринимается в фемининных культурах как война всех против всех. Женщины играют значительно более активную роль в жизни общества, что видно, например, по тому факту, что в парламентах скандинавских стран (т.е. самых «женственных» из всех изученных) их доля значительно выше по сравнению с «мужественной» Германией [Schäfers, Zapf 2001: 223]; феминистки добиваются там не «маскулинизации» роли женщин, а «феминизации» роли мужчин, т.е. они не требуют для себя отказа от отпуска по беременности, как это делают американки и немки, а ожидают от мужчин более активного участия в тех сферах деятельности, которые ассоциируются с женским трудом (стирка, приготовление пищи, уборка, воспитание детей) [Hofstede 2002: 310-311].

2. Фемининность/ маскулинность vs. коллективизм/ индивидуализм

Одной из главных проблем при описании дихотомии ф/м остаётся невозможность отграничения её от коллективизма/ индивидуализма². Именно по этой причине многие учёные, положительно отзывающиеся о результатах исследований Хофстеде по другим аспектам кросс-культурных исследований, выразили изрядную долю скептицизма относительно ф/м и начали обходить данную тему. Хофстеде издал в 1998 г. книгу под выразительным названием *Masculinity and Femininity: The Taboo Dimension of National Cultures* [Hofstede 1998], тематизируя таким образом не востребованность дихотомии ф/м по сравнению с другими дихотомиями кросс-культурного анализа.

Действительно, достаточно сравнить терминологию гендерных исследований с терминологией, применяемой в культурологических работах об индивидуализме и коллективизме (далее к/и), чтобы увидеть, что социо-

² Ср. «The parallel with the collectivism/ individualism is striking» [Triandis 1990: 52].

культурные модели поведения женщин описываются примерно в тех же выражениях, что и социокультурные модели поведения в коллективистских культурах, а поведение мужчин вполне сопоставимо (на терминологическом уровне) с поведением в культурах с ярко выраженным индивидуализмом. Например, русским (как коллективистам) приписывают «общность сознания» [Макшанцева 1997: 114], а женщинам «коллективное сознание»³; коллективистские культуры часто характеризуются склонностью к эгалитаризму [Myers 2002: 523-524; Колесов 2001]⁴, а женщинам приписывают «идеологию равенства» [Samel 2000: 161].

Культурологическая дихотомия *culture of relatedness vs. culture of separateness* [Kagitçibasi 1995: 62], социологические дихотомии *independence vs. connectedness* [Myers 2002: 179], *personenorientiert vs. sachorientiert* [Gulyanska 2005: 39] (т.е. ориентированный на людей или предметы/ вещи) сопоставимы с такими дихотомиями из гендерологии, как *personen- vs. autonomieorientiert* [Tannen 1995: 198] (ориентированный на людей или независимость), *communion vs. agency*, *total interdependence vs. independence*, *expressiveness vs. instrumentality* [Smith 1989: 54], *Beziehungssprache vs. Berichtssprache*⁵ (язык отношений vs. язык повествования), «*fragmentarisches, dezentralisiertes, uneinheitliches Ich*» vs. «*aufklärerisch-individualisierendes Subjektverständnis*» [Postl 1991: 61], *collaborative vs. competitive activity* [McConnell-Ginet, цит. по: Postl 1991: 82], *social-emotional leader vs. instrumental leader* [Parsons, Bales, цит. по: Postl 1991: 75], *empathizers vs. systemizers*⁶ (во всех случаях первый термин относится к женщинам, второй – к мужчинам).

³ «Collective consciousness» женщин согласно Lee Jenkins и Cheri Kramer: [Postl 1991: 82].

⁴ «...collectivists' preference for the equality principle results in their unfavorable attitudes toward particularly able members in the group» [Yamaguchi 1995: 180]; «One important element in the Russian communal mindset is a strong sense of egalitarianism... (...) Most Russians ... would rather bring other people down to their level than try to rise higher, a mentality known as *uravnilovka* (leveling)» [Chapman 1998].

⁵ «Frauen reden eher in privaten Situationen, mittels Sprache suchen sie Bestätigung in ihren sozialen Netzwerken – sie sprechen eine Beziehungssprache, die es möglich macht, Bindungen herzustellen und Gemeinschaft zu erhalten. Nähe und Intimität spielen dabei eine wichtige Rolle. Der männliche Gesprächsstil ist dagegen eher konfrontativ, kompetitiv, konkurrenzerzeugend und selbstbezogen. Männer sprechen eine Berichtssprache...» [Falger 2001: 61-62].

⁶ «According to the empathizing-systemizing theory of psychological sex differences, such differences reflect stronger systemizing in males and stronger empathizing in females. Systemizing is the drive to analyze a system in terms of the rules that govern the system, in order to predict the behavior of the system. Empathizing is the drive to identify another's mental states and to respond to these with an appropriate emotion, in order to predict and to respond to the behavior of another person. (Other people's emotional states and behavior cannot easily be predicted and responded to using systemizing strategies. Whereas a deterministic system given the same inputs always produces the same outputs, the input-output function of a person depends on subtle differences in current and past emotional context and is practically impossible to parameterize formally)» [Baron-Cohen et al. 2005: 820].

Таким образом, гендерологи и социологи приписывают женщинам качества, обычно ассоциируемые с коллективизмом. Но если в русской гендерологии открыто говорится о коллективистской сущности женского менталитета⁷, то на Западе подобных заявлений избегают. Причину этого следует искать скорее в сфере идеологической – за время холодной войны само слово *коллективизм* обросло на родине гендерных исследований – США – столь отрицательными коннотациями, что приписывать какому-то народу или какой-то прослойке населения коллективизм означает выносить и обвинение и приговор одновременно⁸ (примечательно также, что в Америке коллективизм часто называют коммунизмом⁹, а прилагательное ‘коллективистский’ заменяют на ‘коммунистический’¹⁰). По этой же причине некоторые исследователи к/и неоднократно пытались ввести новую терминологию в культурологию, чтобы отграничить коллективистские страны от коммунистических. В частности, японский культуролог Т.Дои (T. Doi) пытался ввести в дихотомию к/и ещё и тоталитаризм, сделав таким образом из дихотомии с двумя полюсами треугольник или шкалу, где «нормальный» коллективизм (как в Японии) назывался бы коллективизмом, а «ненормальный» (как в СССР) – тоталитаризмом. Отграничение это было бы чисто декоративного характера, поскольку ни на каких серьёзных научных исследованиях не основывалось [Triandis 1990: 81].

В качестве следующего примера смешения ф/м и к/и можно привести дихотомию французского исследователя Л.Дюмона холизм (≈ коллективизм) vs. индивидуализм. Для представителей культур с преобладанием холизма относительно большую роль играют человеческие отношения, а у индивидуалистов более ярко выражен интерес к материальным ценностям и предметам вообще [Wienges 2003: 41]. Данную дихотомию нетрудно перенести и в гендерологию: известно, например, что младенцы мужского

⁷ Напр., [Земская et al. 1993: 93].

⁸ «Again, collectivism especially carries a pejorative meaning; it is associated with conformity to group pressure, crowd behavior, deindividuation, and the like in the social psychological literature and also has negative political overtones (e.g., collective farms). (...) Of course, one reason collectivism carries this negative excess meaning is because most research and researchers view it from a Western or, more specifically, American perspective...» [Kagitçibasi 1995: 55].

⁹ «This combination of radical individualism and Anglo-Saxon nativism has led inevitably to the paranoid fear of socialism and communism now so closely identified with United States political life. Every form of communalism (including, be it noted, tribal concepts of life) now languishes under the same taboo on the collective American psyche» [Starkoff 1989: 162].

¹⁰ С.Тер-Минасова, например, цитирует следующее высказывание одного американского сенатора, сделанное в начале XX в.: «Individualism ... may be an ineradicable part of the Anglo-Saxon nature... the racial tendency of the Russians (is) to do business on the communistic principle. Where like undertakings by Americans, or Englishmen, or even Germans, would first be interrupted by contention and then distracted by quarrels, and finally break down by the inability of the various members of the association to agree among themselves, the same number of Russians get along very well together, and practically without antagonism» [Тер-Минасова 2000: 207].

пола всего через день после рождения дольше фиксируют взгляд на предметах, а младенцы женского пола – на лицах [Baron-Cohen et al. 2005: 820]. Таким образом, можно предположить, что интерес женщин к социальным связям, а мужчин к предметам является врождённым.

Что касается русской культуры, в дальнейшем станет ясно, что различные характеристики, приписываемые русскому национальному характеру, одинаково хорошо соответствуют описаниям и коллективистских и фемининных культур. Поэтому чёткое разграничение к/и и ф/м является, на наш взгляд, невозможным.

3. Фемининность русской культуры

Уже традиционно русской культуре приписываются такие типично женские характеристики, как долготерпение, жертвенность, нелогичность, иррациональность, пассивность, религиозность, сострадание, склонность к холизму, эмоциональность [Стефаненко 2004]¹¹. Сюда же можно отнести и некоторую консервативность, в т.ч. на языковом уровне [Колесов 2001; Маслова 2001: 129]. Женщины играют относительно важную социокультурную роль в жизни общества по сравнению с большинством западных стран, отношение к ним до недавнего времени тоже вполне соответствовало, а отчасти и до сих пор соответствует этой роли.

Например, Международный женский день, на Западе не прижившийся, в России празднуют 89% опрошенных (2006 год), а 23 февраля лишь 72% [ВЦИОМ 2006]¹². В России достаточно широко развит культ женских святых (напр., Вера, Надежда, Любовь), предоставление женщинам равноправия с мужчинами происходило практически без борьбы и с опережением западных стран, общее отношение к женщинам в русской истории было значительно более положительным и эгалитаристским: ни массовых сожжений ведьм, ни ритуальных операций типа вырезания клитора, ни преднамеренной деформации их тел.

Русский язык менее андроцентричен по сравнению с западными индоевропейскими языками. В русском, например, существует такая категория, как общий род: *судья, староста, разиня*, где слова с типичными женскими окончаниями применяются и по отношению к мужчинам – крайне необычная характеристика для языков маскулинных культур. Русские женщины показывают в сравнительных социологических исследованиях больше независимости, чем типичные представительницы западных культур [Кирилина 2004: 105, 107]¹³. Кроме того, хотя американские и немецкие мужчины прерывают женщин примерно так же часто, как и русские, только в России мужчины наталкиваются при этом на сопротивление [Земская et al. 1993: 124, 117]. С точки зрения А.Кирилиной, именно столь

¹¹ Напр., [Вежицкая 1996: 33-35; Еремеев 2002; Леонтович 2005: 183-184; Чучин-Русов 1996].

¹² Ср. 74% [Левада-Центр 2006b].

¹³ Ср. андроцентричность: [Земская et al. 1993: 94, 132]. О позитивном, эгалитарном отношении к женщинам в России, контрастирующем с отношением на Западе: [Бурукина 2000: 87]. Эгалитарные отношения между полами в России: [Стернин 1996: 99].

высокий статус русских женщин затрудняет распространение идеологии феминизма, особенно его радикальных форм, финансируемое различными западными фондами [Кирилина 2004: 62].

В *Словаре гендерных терминов*, где собраны результаты многочисленных социологических и лингвистических исследований об отношениях полов на постсоветском пространстве, авторы приходят к выводу, что русские не только оценивают женщин позитивнее мужчин, но и ожидают от них ярко выраженных андрогинных способностей, т.е. помимо красоты, эмоциональной теплоты, сочувствия, жертвенности, материнства, хозяйственности ещё и силу, решительность, активность, ум, целеустремленность, стойкость и энергичность [Денисова 2003; ср. Колесов 2001]¹⁴. Ассоциативный тест, проведенный в России в 1999 г. (62 участника-студента) показал, что русские женщины оцениваются положительней не только мужчин, но и немецких женщин, причём русские женщины зачастую ассоциировались с силой, а немецкие – с порнографией [Кирилина 2004: 195-198].

В связи с этим можно также вспомнить, как изображалась обычно Родина-мать в советской пропаганде: будь то памятник «Родина-мать» в Киеве, плакат «Родина-мать зовёт» времён Второй мировой войны или монумент в Волгограде под тем же названием, речь идёт об изображении сильных женщин, ведущих в бой или же призывающих к бою, т.е. перенимающих, по сути, мужские функции. Очевидно, именно умение женщин перенимать в нужные моменты социокультурную роль мужчин (заработок, защита семьи) и дало ей тот высокий статус, который на Западе, где роль женщины сводилась на протяжении столетий к добыче и/или игрушке, отсутствует.

Не удивительно, что такое отношение к женщинам в русской культуре отразилось и в языке. Например, сопоставительный анализ словарных запасов русского и английского языков (А.Аминова, А.Махмутова) показал, что в русском лексиконе доминируют описания головы и черт характера женщины, а в английском – всей фигуры (отсюда слова типа *curvaceous*), и если русский язык делает акцент на моральных качествах, то английский низводит женщину до секс-объекта (*sexpot, fox, sexkitten, vamp*) [Аминова, Махмутова 2003: 19-26]¹⁵. Результаты ассоциативных экспериментов, при-

¹⁴ Согласно результатам психолингвистического ассоциативного тестирования, женщина воспринимается в русской культуре не только положительнее, чем мужчина, но и является идеализированным символом России: [Жданова 2003: 48-49]. Андрогинность русских женщин, сочетание женственности и силы, общее положительное и эгалитаристское отношение к женщинам в России: [Кирилина 1999]. «Серьезными особенностями обладает и стереотип русской женщины. Ей атрибутируются не только многочисленные достоинства западных и восточных женщин, но и качества, которые в западных культурах суть стереотипа маскулинности: русская женщина красива, добра, сильна, вынослива, трудолюбива, душевна, миролюбива» [Рябова 2001].

¹⁵ Ср. сравнительный анализ лексикона, относящегося к красоте: в русском языке внутренняя красота считается важнее внешней, в английском – скорее наоборот: [Мещерякова 2004].

веденные у А.Кирилиной, также демонстрируют, что русские мужчины «высоко оценивают русских женщин, делая акцент не столько на внешности, сколько на личностных качествах – им дается более развернутая характеристика», «[с]ексуальные аспекты отношения полов выражены слабо, преобладают оценки нравственные» (А.Кирилина отмечает, что слабый акцент на физиологическом аспекте отношений полов характерен и для русских пословиц, и для зафиксированных ассоциативных полей из *Русского ассоциативного словаря*, и для общего словарного запаса русского языка по сравнению с английским) [Кирилина 2004]¹⁶.

О.Рябов упоминает следующие свойства русской культуры, которые им самим и другими авторами ассоциируются с фемининностью: «[ф]емининные беспредельность, бесформенность, материальность, телесность, природность», анархизм, экстремизм, двойственность, противоречивость, «всечеловечность», «универсальность пластичной России», умение понять другого, непостоянство, художественная одарённость русских, восприимчивость, мягкость (как ещё один модус пластичности, выражающийся в доброте, миролюбии, покорности власти, терпении), фатализм, бездеятельность, неспособность к длительному волевому усилию, непредсказуемость, братские семейные отношения за пределами семьи (русские ощущают себя не просто согражданами, но одной большой семьёй), диффузное «я» (отсюда отсутствие западных представлений о собственности, правах личности на частную жизнь, невысокая ценность индивида, слабо выраженный страх смерти, культ жертвенности и страдания), жалость к «униженным и оскорблённым», «милость к падшим» (и её обратная сторона – аморализм, излишняя снисходительность, отсутствие чувства ответственности), доминирование эмоциональной сферы над рациональной [Рябов 2000].

Если говорить о возможных причинах генезиса фемининности, то здесь существует несколько объяснений. Неоднократно выражалась мысль, что русская культура когда-то была основана на матриархате, который, очевидно, до сих пор не изжит полностью. Каких-либо веских доказательств этой теории не существует, как и доказательств существования матриархата вообще, будь то Россия или какая-то другая часть света в наши времена или в какой-либо другой отрезок истории человечества [Myers 2002: 12]. Кроме того, даже если предположить, что когда-то у славянских или индоевропейских племён существовал матриархат, это не объясняет, почему именно женщины избегают прямой конкуренции, реже прячут эмоции, более склонны к самопожертвованию и т.д.

Если речь идёт не о врождённых свойствах (т.е. предрасположенности к определённому менталитету на генетическом уровне), то остается искать причины этого явления в самом социуме. Например, немецкая исследовательница Г.Постль полагает, что женщины, будучи столетиями исключены из конкурентной борьбы за пищу, более высокий статус и прочие блага из-

¹⁶ В этом же источнике перечисляется ряд работ, где показаны слабая андроцентричность русского языка по сравнению с английским и общее более положительное отношение к женщинам.

за материнства, никогда не «тренировались» в проявлении соответствующих черт характера, если таковые и были заложены в них природой [Postl 1991: 85]. Если исходить из этой теории, то возникновение фемининности русской культуры объясняется патернализмом русской общины (мира) с её коллективистским общественным строем, редуцирующим конкуренцию отдельных индивидов. Если на Западе из конкурентной борьбы были исключены только женщины, то в России не хватало соответствующей «тренировки» и мужчинам, т.к. мир был основан на принципах кооперации, взаимовыручки и экономического эгалитаризма.

Г.Хофстеде связывает возникновение фемининной системы ценностей, среди прочего, и с географическими особенностями соответствующей культуры. Например, в странах с суровым северным климатом фемининность выражена несколько более ярко, чем в странах с мягким климатом, что позволяет предположить взаимосвязь между этими явлениями. Очевидно, мужской силы и выносливости не хватало, чтобы справиться и с тяжёлыми природными условиями, и с внешними врагами, в результате чего женщины вынуждены были постоянно перенимать определённые функции сильного пола [Hofstede 2002: 331].

После 1991 года на постсоветском пространстве распространяется не только идеология индивидуализма, но и практически неразрывно связанная с ней маскулинизация. Достаточно сравнить, каких ценностей придерживаются русские женщины и какие ценности открыто пропагандируются СМИ и системой образования, чтобы убедиться, что с фемининностью новая система аксиологических координат не имеет ничего общего. Например, согласно различным опросам, проведённым в 1990-е годы, мужчины придают большее значение свободе, успеху, карьере, частной собственности, порядку; они положительнее оценивают демократию, индивидуализм и капитализм; женщины, в свою очередь, ценят мир, семью, любовь, коллективизм, социальную справедливость и сострадание [Дубов 1997: 78, 122-123, 382]¹⁷, т.е. именно те ценности, на которых делался акцент в СССР, но не в постсоветской России. Известно и то, что фемининным культурам, основанным на коллективистской идеологии, капитализм не принёс особого процветания (Уругвай, Чили, Таиланд, Перу, Коста-Рика), и даже фемининные культуры с индивидуалистической основой (скандинавские страны) сталкиваются в последние годы со всё большими трудностями при финансировании своих обширных социальных программ [ср. Wienges 2003: 62-63] (отметим, что по результатам опросов именно скандинавская модель рыночной экономики с ярко выраженным социальным государством является для русских наиболее привлекательной [Дилигенский 2000]¹⁸). Одним из наиболее выразительных признаков маскули-

¹⁷ Ср. «The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules» [Matsumoto et al. 1998: 154-155]. «Стремление к солидарности присуще женщинам, мужчина – индивидуалист. Коллективно-родовое начало – за женщиной, мужчина ценит личность» [Колесов 2001].

¹⁸ Ср. социальное государство как универсальная характеристика фемининных культур: [Hofstede 2002: 317].

низации российской культуры является, на наш взгляд, рост гендерной асимметрии после 1991 года¹⁹.

Хотя фемининность русской культуры в работах современных лингвистов и культурологов тематизируется нечасто, отдельные высказывания всё же можно найти:

«Сегодня России присваиваются различные феминные свойства. Говорят, что русская неопределённость формы противопоставлена иноземной огранённой твёрдости. Русские пространства обширны, а Время – мужской символ – ещё и не начиналось. Устойчивой святости по вертикали (иерархия уровней) русские предпочитают женское развёртывание вширь, “тяготение вдаль”, а в мышлении “мужской голове” – “женское” сердце» [Колесов 2001].

«Так, душа русская – нараспашку, широкая и открытая, русский человек гостеприимен и великодушен, любопытен и непоследователен. (...) Русские (и мужчины, и женщины) относятся к родной стране как к матери (Родина-мать, Матушка-Сыра Земля, Матушка-Русь), почитая её и дорожа ею, посмеиваясь над её слабостями, но смех этот скорее горек, чем зол. (...) Таким образом, на основе выше изложенного можно сделать вывод о том, что русский язык и культура, русский менталитет в целом характеризуются значительно большей гендерной обусловленностью, проявляющейся в чётко выраженной фемининности данных явлений, определяющих особенности русского национального характера, самосознания и самоосознания» [Бурукина 2000: 88].

«Итак, идея “русской загадки” сущностно связана с основными чертами традиционной для западной историософии репрезентации русскости. При этом качества, которыми наделяется образ России-Сфинкса, устойчиво маркируются как фемининные и, таким образом, закрепляют представления о женственности России. (...) С.де Бовуар, размышляя над рецепцией женственности, показала, что образ женщины как Другого в андроцентрической культуре неизбежно будет включать в

¹⁹ Ср. «В постсоветский период гендерная асимметрия усилилась, права женщин оказались ущемлены, как показывают многие исследования... СМИ, реклама при всем разнообразии происходящих в них процессов обнаруживают тем не менее особенность, резко отличающую постсоветский период от советского, – эротизацию образа женщины, представление ее как сексуального объекта. (...) Названные тенденции, с одной стороны, свидетельствуют об акцентуации определенных гендерных стереотипов в различные исторические периоды, с другой, – говорят о том, что распространяется не вполне свойственный русской культуре стереотип» [Кирилина 1999]. «В современном российском обществе за последнее десятилетие общее положение и социальный статус женщины имеют явно выраженную негативную тенденцию, что было отмечено и в международных документах. Так, Программа развития ООН (ПРООН) за 1999 год подчеркивала “значительное усиление гендерного неравенства в политической, экономической и социальной сферах” в России в ходе осуществляющихся трансформационных процессов» [Егорова 2001].

себя амбивалентные черты. Подобная амбивалентность прослеживается и в восприятии России-Сфинкса: инаковость, которая позволяет писать о “русской загадке”, порождает как “русофильские”, так и “русофобские” настроения. Иногда от России ждут спасения Европы, ведь чудо – это всегда Иное (Россия – это “незабываемая, таинственная сказка” [Р.Рильке]). Однако чаще непредсказуемость России является причиной страха и вырастающей из него неприязни: ад – это тоже Иное... Желание “познать тайну” России, “расколдовать” её лежит в основе стремления подчинить и контролировать её» [Рябов 2000].

«Россия – женская страна, и не просто женская, а материнская» [Корчагина 1997: 144].

«Так, в ряде историко-философских работ выдвигается идея о мужественности немецкого национального характера и женственности русского. Совершенно очевидно, что в таких случаях не производится прямого соотнесения с мужчинами и женщинами. Речь идёт о комплексе признаков, объединённых под терминами мужественность/женственность.

Мужское начало трактовалось “как аполлоновское начало формы, идеи, инициативы, активности, власти, ответственности, культуры, личности, разума, абстрактного понятийного мышления, сознания, справедливости. Женское начало – как дионисийское начало материи, пассивности, подчинения, природы, рода, чувства, инстинктивности, бессознательного, конкретного мышления, милосердия”» [Рябов, цит. по Кирилина 2001: 145].

4. Фемининность русского языка

В дальнейшем особенности русского языка будут сравниваться с некоторыми особенностями женского гендерлекта. Поскольку известные нам исследования [Земская et al. 1993; Гвоздева 2004; Кирилина 2004] не установили больших расхождений между женской речью в изученных западных языках и русском языке, нам представляется возможным не делить женские гендерлекты на русский, английский, немецкий и т.д., т.к. всем им, среди прочего, свойственны вежливость, склонность к употреблению диминутивов, особая правильность произношения, избегание вульгаризмов; и если всё-таки в отдельных аспектах встречаются различия, то обусловлены они обычно типологией языков (например, невозможностью эмоциональной топиализации в английском из-за жёсткого порядка слов).

Сравнительный анализ 900 пословиц русского и английского языков (Быкова) не выявил никаких особых расхождений и в стереотипах, связываемых с женщинами в данных культурах (иррациональность, эмоциональность и т.д., полный список см. в Приложении 2). Кроме того, результаты социологических исследований показывают, что поведение женщин на Западе (и, соответственно, его мотивация) вполне сопоставимо с поведением русских женщин. Например, согласно опросам, проведённым в Германии в 1990-е гг., немки больше интересуются социальными контактами, поддержанием дружеских отношений, они более добродушны, уступчивы в спорах, самоотверженны, проявляют больше любви к ближнему

и меньше интереса к деньгам, чаще стремятся к гармонии и реже «работают локтями», чем мужчины. Немецкие мужчины значительно меньше интересуются мнением окружающих, поддержанием социальных связей (15% утверждают, что друзья им не нужны вообще), они не терпят советов и быстрее ориентируются при смене обстоятельств, чем немецкие женщины [Köchner 1997: 82, 90, 101-102, 197].

4.1. Одним из примечательных свойств русского языка является «феминизация» имён при построении уменьшительно-ласкательных форм. Даже к мужским именам добавляется, помимо соответствующего суффикса, окончание женского рода: *Саша, Сашенька, Сашка*, ср. *Маша, Машенька, Машка*. Зачастую феминизация распространяется и на имена нарицательные (*сына* вместо *сын*). Только в середине 1980-х гг. начали активно распространяться соответствующие языковые средства для построения коннотативно положительных форм мужских имён, где подчёркивается не женственность, а мужественность: *Вован, Пахан, Дрон* (т.е. с согласным в конце слова) [Кирилина 2004: 190-192]. Произошло это одновременно с распространением понятия *крутизна* (очевидно, под влиянием англ. *coolness* и *toughness* [ср. Валгина 2001; Земская 2000: 97; Карасик 2004: 216]) в качестве привлекательной модели поведения, перенятой из ярко выраженных маскулинных культур; ростом популярности слова *силовой* [Валгина 2001], снижением числа активно употребляемых женских имён (абсолютный рекорд приходится на время правления Сталина: 179 женских и лишь 159 мужских имён) [Кирилина 2004: 192-195], заменой ассоциативного поля с отрицательного на положительное у слов *агрессивный* и *амбициозный* [Rivlina 2005: 478]²⁰, уменьшением количества производных существительных для обозначения женщин (напр., *машинист – машинистка*) [Валгина 2001]²¹, а также рядом других явлений, свидетельствующих о маскулинизации русской культуры.

4.2. Некоторые западные учёные предполагают, что преобладание мужского или женского рода в грамматике может зависеть от степени выраженности патриархата в данном обществе, и чем больше выражен эгалитаризм полов, тем сбалансированнее процентное соотношение существительных мужского и женского рода [Gregersen 1979: 14]. Похожие мнения можно изредка найти и в работах отечественных лингвистов:

«...если характеризовать языки, имеющие выраженную категорию рода, с точки зрения количественного превалирования в них имён женского рода и имён, формально совпадающих с ними по форме, русский язык, несомненно, будет охарактеризован как “фемининный”... Так, постижение русского языка преломляется через призму “фемининности”. Освоение его русскими детьми начинается с наивного убеждения в том, что все имена в нём – женского рода, поскольку в русском отсутствует “переходный детский язык”, как, например, в анг-

²⁰ Возможно, под влиянием *ambitious* и *aggressive*.

²¹ Возможно, результат заимствования большого количества иностранных слов и построения многочисленных композитов в 1990-е годы [Еременко 2004: 275].

лийском (со специфическими окончаниями – удвоенная согласная или две согласных +у: Mummy, Daddy, Granny, Nanny, Teddy-bear, Letty, Sally, Dolly и т.д.). Русский ребёнок, первые слова которого “мама”, “папа”, “баба”, “деда”, “мишка”, “зайка”, убеждён, что все они женского рода, поскольку они четко совпадают по форме и сфере употребления. Поэтому для русского малыша словосочетания “моя папа” и “моя деда” также органичны и логичны, как и “моя мама”, “моя баба”, “моя [зая]” и “моя [мика]”. Интересно, что русскоязычные дети часто заменяют существующие в языке имена мужского рода на “имена собственного изобретения” именно женского рода. Так, [тоба] или [тобося] малышу кажется естественней и понятней, чем “автобус”, а [тавая] – чем трамвай» [Бурукина 2000: 85-86].

Следует отметить, что вывод автора представляется нам не совсем верным, т.к. и английские и русские дети в данном случае, по сути, делают одно и то же – они упрощают слоговую структуру слов до CV, что характерно и для других языков мира. Разница состоит лишь в том, что английские дети делают это с помощью диминутивных суффиксов, т.к. категория рода в английском исчезла, а русские меняют род существительных на женский, тоже часто в сочетании с диминутивными суффиксами.

А.Вежбицкая, напротив, полагает, что категория рода едва ли может быть каким-либо образом связана с национальным характером данного народа [Wierzbicka 1992: 374-375]. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, необходимы были бы обширные сравнительные исследования на стыке лингвистики и культурологии, которые позволили бы, например, дополнить известные таблицы Г.Хофстеде с основной культурологической информацией о более чем 50 странах мира соответствующими лингвистическими сведениями о характере категории рода в наиболее распространённых языках этих стран.

В рамках этой работы будет проведено сравнение только русского, английского и немецкого языков. О том, как возникла категория рода в индоевропейском языке, сегодня можно только догадываться. Очевидно, система была изначально бинарной (живое-неживое или мужское-женское), формы мужского рода относились к конкретным предметам, а формы женского рода – к абстрактным понятиям, именам собирательным и множественному числу [Leiss 2000: 196-197]²².

Тем не менее в современных индоевропейских языках род выражен настолько по-разному, что обычно не составляет труда найти определённые особенности данной грамматической категории, отражающие мировоззрение соответствующей культуры. Например, в английском, где род практически отсутствует, немногочисленные слова мужского рода обычно

²² «Untersucht man all die Wörter in den indoeuropäischen Sprachen, die auf die 'femininen' -a- bzw. -ie (-i)-Suffixe enden, läßt sich als ursprüngliche Funktion dieser Suffixe **die Bildung von Kollektiva und Abstrakta ermitteln**» [Leiss 1994: 281-301]. Ср. «В русском языке слова женского рода преимущественно собирательно-отвлечённого значения и чаще развивают переносные значения. Слова мужского рода конкретны и определённы» [Колесов 2001].

относятся к сильным, хищным, большим животным (*wolf, dog, buffalo, tiger, lion, elephant, eagle*), а женского рода – к маленьким и относительно безобидным (*cat, fox, hare, nightingale, tomtit*) [Корунец 2003: 210]. В русском языке слова, относящиеся к жизни, красоте, родине и другим позитивным ценностям, обычно женского рода [Корнилов 2003: 104]²³ (отголоски абстрактного значения женского рода в индоевропейском праязыке?); иностранные слова приобретали ещё в XIX – начале XX в. без всякой видимой причины окончание *-a* (*чека, бисквита, рельса, зала, фильма*) [Валгина 2001]. Известно также, что именно женщины «феминизировали» огромное количество слов, относящихся к домашнему быту, кухне, продуктам, употребляя их с уменьшительно-ласкательными суффиксами и окончанием *-a* (ср. *картофель – картошка*, нем. *Teller – тарелка*). В немецком и французском названия рек обычно женского рода [Зеленецкий 2004: 208] (влияние мифологии?), иностранные слова зачастую безо всякой видимой причины наделяются мужским родом, напр. *der Beat, Bob, Boom, Chip, Clan, Club* (если в немецком это частично можно объяснить большим количеством односложных существительных мужского рода, то во французском никаких видимых объяснений нет) [ср. Jablonski 1990: 91, 97-98]. Немецкие мужчины более склонны употреблять гендерные существительные мужского рода, чем женщины [von Polenz 1999: т. 3, 329], а результаты тестов Б.Карстенсена с бессмысленными словами продемонстрировали, что немцы подсознательно ассоциируют мужской род с активной ролью, средний род с предметами и состояниями, а женский род с уменьшительно-ласкательными суффиксами, т.е. с чем-то маленьким и вызывающим положительные эмоции [Carstensen 1980: 71, 62]. Таким образом, можно предположить, что грамматический род до сих пор вызывает стойкие ассоциации с полом биологическим, что более положительные эмоции ассоциируются в обоих языках со словами женского рода и что русские (особенно женщины) предпочитают слова женского рода, а немцы (особенно мужчины) – слова мужского рода.

Субъективное впечатление, что русские были раньше более склонны строить существительные женского рода, а немцы – мужского, можно подтвердить и конкретными цифрами, сравнив некоторые словари. Например, в *Словаре живого великорусского языка* В.Даля (XIX в.) [Даль 2003] содержится примерно 20.160 существительных женского рода, 20.080 мужского рода (меньше, чем женского) и 9000 среднего рода. В *Новом словаре русского языка* Т.Ефремовой (2000 г.) [Ефремова 2003] содержится приблизительно 23.350 существительных женского рода, 24.090 мужского рода (больше, чем женского) и 11.670 среднего рода. *Большой орфографический словарь русского языка* [Большой орфографический словарь русского языка 2004] содержит примерно 18.080 существительных мужского, 4700 среднего и 12.410 женского рода. Таким образом, можно предположить, что в XX веке вырос удельный вес мужского рода в общем словарном запасе русского языка. В *Словаре немецкого разговорно-*

²³ Ср. «Родина – “Родина-мать”, но и всё, что связано с проявлением жизни, тоже женского рода. *Жизнь и смерть, власть и судьба...*» [Колесов 2001].

го языка Х.Кюппера [Kürper 1997] содержится примерно 9800 существительных мужского рода, 6430 женского и 3690 среднего рода. В *Этимологическом словаре немецкого языка* [Kluge, Seebold 2002] содержится 3475 существительных мужского рода, 2950 женского рода и 1521 среднего рода. Таким образом, в языке маскулинной культуры заметно преобладает мужской род. Все расчеты проведены по электронным версиям словарей.

Причину «маскулинизации» русского словаря в XX веке можно объяснить следующим образом: огромное влияние германских языков (особенно английского) на русский привело к тому, что в русский язык вошло достаточно большое число иностранных слов, заканчивающихся на согласный (германские языки вообще больше склонны к закрытым слогам, в то время как русский предпочитает открытые слоги [Зеленецкий 2004: 64]). Сравним следующие цифры:

- В *Толковом словаре иноязычных слов* Л.Крысина [Крысин 2000] содержится приблизительно 3190 существительных женского рода, 5200 мужского рода и 570 среднего рода.
- Среди неологизмов 1960-х гг. число существительных мужского рода достигло 57% (начало сильного влияния английского из-за окончания активной фазы борьбы против «низкопоклонства перед Западом»), а число существительных среднего и женского рода упало до соответственно 10% и 33%.
- Среди англицизмов по разным подсчётам общее число существительных мужского рода составляет 78-94%, женского 4-15%, среднего 2-6%, *pluralia tantum* и с неопределённым родом – до 2% [Руо 1997: 171-173].

Обращает на себя внимание тот факт, что именно среди англицизмов процент содержания слов мужского рода особенно высок, из-за чего, очевидно, и происходит маскулинизация русского словаря в последние десятилетия. Характерно и то, что некоторые англицизмы, которые раньше без всякой видимой причины «феминизировались» (*бисквита, фильма, чека*), в XX в. потеряли окончание *-a* и превратились в существительные мужского рода.

Таким образом, связь общего числа существительных определённого рода со степенью выраженности патриархата представляется довольно сомнительной, поскольку «маскулинность» и «фемининность» немецкого и русского языков вполне объяснима исторически сложившимися типами слогов, а «маскулинизация» словарного запаса русского языка объясняется структурными особенностями заимствованных англицизмов (конечно, вопрос можно поставить и по-иному: почему именно в русском языке сложилась традиция строить открытые слоги, а в немецком закрытые?). Кроме того, против такой связи говорит и тот факт, что в украинской диаспоре в Северной Америке при адаптации англицизмов на протяжении XX века установлен рост числа слов женского рода [Жлуктенко 1964: 76]. Поскольку украинцы, как и русские, относятся к фемининным культурам, следовало бы ожидать скорее маскулинизацию их лексикона под влиянием маскулинной американской культуры.

4.3. Как индивидуализм [Dittrich 1917: 12-13, ср. Dumont 1991: 186, Ивин 2000: 238]²⁴, так и маскулинность²⁵ культур зачастую связывают с неприятием лиц, принадлежащих к другим группам населения, нациям, расам и т.д., что объясняется широкой распространённостью философии социального дарвинизма, согласно которой выживает сильнейший, а окружающие рассматриваются в качестве соперников (по мнению А.Смита) или врагов (по мнению Т.Гоббса) [Mácha 1964: 15]²⁶. Поэтому можно предположить, что введение индивидуалистической идеологии, дополнительно усиленное маскулинизацией, является катализатором развития расизма, движения скинхедов и прочих экстремистских группировок, придерживающихся теорий расовой нетерпимости (в начале работы уже упоминалось о связи маскулинности и фашизма).

Ещё один фактор, обычно способствующий развитию организаций такого толка, – это экономическая нестабильность. Например, известно, что в Канаде с 1975 года отношение к иммигрантам меняется в зависимости от уровня безработицы, а в США самые сильные расистские настроения распространены в среде низшего слоя белых [Myers 2002: 353-354]. Россия является исключением из этого правила: согласно опросам института «Общественное мнение», особенно нетерпимы к другим нациям именно люди с относительно большим доходом (т.е. те, которые наиболее подвержены влиянию западной культуры), а максимум толерантности присущ жителям сельской местности с плохим образованием и небольшим доходом (т.е. контингент, который зачастую отрезан от СМИ) [Институт исследования общественного мнения 2004, 2006]. Таким образом, можно предположить, что не экономические трудности страны, а в первую очередь перенос индивидуалистической и/или маскулинной идеологии с присущей ей агрессивностью на русскую почву приводит к росту нетерпимости к другим нациям и группам населения (социальный расизм).

Как известно, организации с расистской идеологией в СССР практически отсутствовали, а в 2005 г. только число скинхедов достигло по России 50.000 [Горелик 2005]. На языковом уровне это выражается в росте синонимического ряда оскорбительных названий (кличек) для других народов и рас, а также заимствовании лексики различных фашистских орга-

²⁴ Коллективисты («those with a more communal or universal orientation») обычно более толерантны к непохожим на них людям: [Myers 2002: 356]. Ср. «Ingroup bias is one more example of the human quest for a positive self-concept. We are so group conscious that given any excuse to think of ourselves as a group we will do so – and will then exhibit ingroup bias. (...) This bias occurs with both sexes and with people of all ages and nationalities, though specially with people from individualist cultures. (People in communal cultures identify more with all their peers and so treat everyone more the same)» [Myers 2002: 347]. «Prejudice toward racial and religious groups that are too different» как признак индивидуализма: [Triandis 1990: 46].

²⁵ «Empathy with others regardless of their group»: [Hofstede 2002: 298].

²⁶ «Die Demokratie bringt eine undifferenzierte Masse unverbundener Individuen hervor, die atomistisch in ihrem nie zu befriedigenden Streben nach Wohlstand verschlossen sind, charakterisiert durch eine Schwäche der Leidenschaften und des Willens. Trotz der allgemeinen Ähnlichkeit bleiben sie einander feind...» [Pulcini 2005: 10, cp. 13].

низаций с удалением семы 'в капиталистическом мире' или 'на Западе': Анкл Бенс, блэк, спидоносец, sh-движение, бритоголовый, красные скинхеды, скин, гамбургер 'иностранец', трад, раи, бонхед (примечательно, что большинство таких слов являются англицизмами). Если до недавнего времени число оскорбительных кличек для других народов в английском языке было приблизительно в 2,5 раз выше, чем в русском [Карасик 2002] (из неологизмов последних лет особенно следует отметить *afanigga* 'афганец' и *target* 'иракец'), то теперь можно предположить, что это соотношение несколько выровнялось.

Разницу в ассоциативных полях слов *иностранный* и *иностранец* в русском и английском С.Тер-Минасова иллюстрирует следующим образом:

«Русскому национальному характеру свойственны повышенный интерес, любопытство и доброжелательство к иностранцам и иностранному образу жизни, культуре, видению мира. Соответственно, слова *иностранный* и *иностранец* не имеют ингерентных (то есть изначально присущих независимо от контекста) отрицательных коннотаций, скорее наоборот. Это слова, возбуждающие интерес и повышенное внимание, настраивающие на восприятие чего-то нового, увлекательного, неизвестного.

Английские слова *foreign* и *foreigner* употребляются, как правило, в отрицательных контекстах. (...) Из компьютерной базы данных словарной редакции издательства "Longman" было извлечено более 500 контекстов со словом *foreigner*. Как и можно было предположить, более половины из них негативны по отношению к иностранцам, хотя это всего лишь механически (компьютерно) вырванные из текста обрывки фраз» [Тер-Минасова 2000: 184-185].

4.4. Секс и насилие зачастую являются в фемининных культурах табуизированными темами, в т.ч. в средствах массовой информации [Hofstede 2002: 326], что на языковом уровне выражается в относительно небольшом лексиконе, касающемся интимных частей тела, сексуальных практик и видов развлечений, тематизирующих насилие (*экин, триллер, хоррор, боевик, трэш-фильм, сплэттер-фильм, снафф*). Например, с точки зрения Е.Гоцило (лингвист из Питтсбурга), русский язык уступает в точности описания другим языкам, когда речь идёт о нормальных и извращённых половых актах: кроме ругательств, медицинских терминов и очень расплывчатых эвфемизмов, практически ничего не остаётся [Березовчук 2002]. Владимир Набоков отмечал в предисловии к русскому изданию *Лолиты*, что на русском по сравнению с английским значительно труднее даются описания извращений [Epstein 2005]. Как и в предыдущем пункте (4.3), после 1991 года этот «недостаток» русского был исправлен массивным заимствованием из английского: *фрилав, писсинг, фистинг, бэффинг, суппер, массажный салон* (ср. англ. *massage parlor* – эвфемизм для 'борделя'), *круизинг, бисайд, дидлер, некинг, петтинг, застэндовать*. Из медицинской терминологии распространились табуизированные ранее ин-

тернационализмы типа *оргазм, клитор, пенис, эрекция* [Крысин 2000: 386, ср. Eckert, Sternin 2004: 96].

4.5. Поскольку в маскулинных культурах не принято испытывать особой жалости к людям с низким статусом, ко всем низовым прослойкам общества, будь то физически или умственно больные, малоимущие или просто добившиеся немногого в жизни индивидуумы [Hofstede 2002: 299], маскулинизация культуры сопровождается распространением соответствующей экспрессивной лексики с ярко выраженной негативной окраской: *лузер, лупер, сакер, аутсайдер* (переход из спортивной терминологии в общую с расширением значения до 'неудачник'), *это твои проблемы* (калька с англ. *it's your problems*), *балласт* (расширение значения до 'отягощающий, невыгодный, бесполезный человек'). Тем не менее до западных языков русскому в этом отношении ещё далеко, т.к., например, в одном только словаре немецкого молодёжного сленга – *Jugenddeutsch von A bis Z* – перечислены 84 синонима слова 'неудачник' [Küpper 1997: 434-435]. Достаточно велик и синонимический ряд 'слабак', напр. *Balkonraucher, Beckenrandschwimmer, Foliengriller, Schattenparker, Abkacker, Sitzpinkler, Sockensortierer, Warmduscher, Zehenzwischenraumabtrockner*.

Причина подобного отношения к менее успешным членам общества кроется в идеологии западнизма, включающей в себя, среди прочего, такую компоненту, как индивидуализм с его отношением к жизни как к бесконечной игре, где необходимо только выигрывать, невзирая на обстоятельства и не обвиняя никого в своих поражениях. В США, например, две трети опрошенных согласны с утверждением «Most people who don't get ahead should not blame the system, they have only themselves to blame» [Myers 2002: 366], а в России, согласно опросу 2000-го года, такая философия распространилась в первую очередь среди молодёжи [Shlapentokh 2004: 222].

Традиционное отношение русской культуры к низшим слоям общества соответствует максимам фемининных культур, предполагающим патернализм и сочувствие, причём не только к страдающим безвинно, но и к понесшим кару заслуженно. Например, в западных языках довольно трудно найти эквиваленты таких слов, как *бедолага, бедненький, бедняга, бедняжка, убогий, блаженный*. Очень разнятся в частоте употребления и ассоциативных полях русское слово *жалость* и англ. *pity*:

«*Žalost*' differs from *pity* ... in the presence of 'loving' feelings toward the unfortunate target person ('X feels something good toward Y') and in its absence of potentially invidious comparisons with other people: the target person is not thought of as being any 'worse off' than other people. Unlike *pity*, *žalost*' is, potentially, a feeling that can embrace all living creatures, just as *love* can. [Vladimir] Solov'ev points out that Russian peasant women simply merge *žalost*' and *ljubov*' 'love' (using the verb *žalet*' instead of *ljubit*')... (...) The importance of the concept *žalost*' in Russian culture was well perceived in Geoffrey Gorer's studies of the "Russian Psychology" and of the Russian "national character". For example, Gorer (1949), observes that of all "the tender emotions which Russians express...

the most dramatic is love, but far and away more widespread is that which the Russians call *žalost'*, and which is inadequately translated as 'pity'. There is no single English word to carry all the connotations: it means a sympathetic understanding of and feeling for the moral and spiritual anguish which other people are undergoing. In contrast to *pity*, it is perhaps even more desirable to receive *žalost'* from another than to offer it. It can be, and often is, felt for all undergoing moral and spiritual anguish, whether personally known or not." (...) The great significance of the concept of *žalost'* in Russian culture is also confirmed by statistical data. Thus, in Zsorina's (1977) megacorpus of one million running words, the noun *žalost'*, the verb *žalet'*, and the adverb *žalko* have a joined frequency of 218, whereas in Kučera and Francis (1967) data for American English *pity* has a frequency of merely 14» [Wierzbicka 1992: 168-169, ср. Карасик 2004: 119].

Ю. Мещерякова продемонстрировала в своей диссертации, что в английском культурном пространстве внешняя непривлекательность ассоциируется с отсутствием украшений и бедностью, некрасивые люди вызывают негативные эмоции, в т.ч. презрение; в русском же культурном пространстве непривлекательность ассоциируется в первую очередь с плохим здоровьем и врождёнными физическими недостатками, такие люди вызывают сострадание [Мещерякова 2004].

Поскольку в маскулинных культурах статус женщин значительно ниже статуса мужчин, то относительно большой синонимический ряд пейоративного характера относится и к ним. В английском его длина оценивается в 220 единиц²⁷, немецкий язык также очень богат в этом отношении (напр., *Bumserle, Samenklau, Vögelfeuer, Allgemeinloch, Knutsche, Gesichtseimer, Volksloch, Muschi, Blindine, Bratze, Gruselute, Sextanke, Sexualprovi-ant*). В русском языке сфера употребления подобной лексики до недавнего времени ограничивалась бандитским жаргоном, но начиная с 1985 года начала распространяться и на разговорную речь, язык СМИ и особенно молодёжный сленг. Более не считается зазорным называть привлекательных девушек *дырка, тело, дрючон, товар*, а непривлекательных *нестандартным унитазом*. Одновременно с сексуализацией образа женщины в средствах массовой информации появились соответствующие неологизмы, редуцирующие женщину до объекта потребления, а мужчин – до потребителей удовольствия, предоставляемого женщинами: *факуша, факушница, кокетер* (калька с англ. *cock eater*), *сексопилька, секс-бомба, секс-машина, факарь, секс-гигант*.

4.6. Согласно Г. Хофстеде, в фемининных культурах патриотизм обычно более ярко выражен, чем в маскулинных (это же относится и к коллективистским культурам по сравнению с индивидуалистическими) [Hofstede 2002:

²⁷ Речь идёт только о синонимах слова с первоначальным значением 'проститутка', употребляющихся по отношению к денотату «любая женщина» [Земская et al. 1993: 96].

353, ср. Triandis 1990: 68]²⁸. На языковом уровне это проявляется в более длинном синонимическом ряде 'родина' по сравнению с английским (*родина, родная страна (сторона/ сторонка), отечество, отчизна, матушка Россия* и т.д.) и более частым употреблением соответствующих лексем [Тер-Минасова 2000: 176]. В Британском Национальном Корпусе среди самых частых 6300 лексем *patriot, homeland, motherland, fatherland* отсутствуют, а в различных частотных словарях русского языка *патриот* и *родина* хотя и встречаются в пределах первых 2500 лексем, но всё реже с 1991 года (см. Приложение 1).

В этом отношении также можно констатировать определённые признаки маскулинизации (или же «дефеминизации»), отражённые в таких выражающих ненависть к России и русским неологизмах 1990-х, как *рашик, рашист, рашика, па-раша, рашня, черныбыльский бройлер, рашен-квашен, поп-патриотизм*. Если в 1987 году патриотами считали себя 93% опрошенных, то в 2003 г. лишь 23% [Министерство обороны РФ 2003]²⁹, в 2006 году лишь 48% гордились Россией [Левада-центр 2006а], в 2000-м году лишь 35% гордились своей национальной принадлежностью (меньше, чем в среднем по миру) [Tyldum, Kolstø 2004: 38]. Конечно, причины этому следует искать в первую очередь не в маскулинизации, а в соответствующей обстановке 1990-х годов, когда патриотизм был даже в государственных СМИ объявлен «последним прибежищем негодяев», а сама Россия – «этой страной».

Обращает на себя внимание тот факт, что отношение к России остаётся эмоциональным, хотя усилиями определённых кругов российского общества характер этих эмоций и сменился в значительной мере со знака плюс на минус. Отношение англичан к своей стране, напротив, характеризуется в первую очередь равнодушием. Например, Б.Монк, автор школьного учебника *Happy English*, говорил в лекциях о современной русской культуре на факультете иностранных языков МГУ:

«Понятие родины в русских пробуждает много эмоций. Родина – женского рода, часто воспринимается как мать (родина-мать, родина-матушка). У нас другое отношение к своей стране. Нам никогда не пришлось бы в голову назвать ее “матерью-землей”. Ваши люди испытывают ностальгию, проходя трехнедельный курс английского языка в Оксфорде. Я прожил в России, вдали от родины, девять лет, и у меня не было ностальгии. У нас с родиной совсем другие отношения»³⁰.

²⁸ Ср. «In collectivist nations group loyalties often extend far beyond the family and other kin to national loyalties, whereas in the context of individualism individual interests are most important» [Kagitçibasi 1995: 59]. В коллективистских культурах «loyalty or allegiance to the larger groups takes precedence» [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 142]. Результаты World Values Survey в 1990-х гг. подтвердили это высказывание для всех стран, за исключением США: там уровень патриотических настроений почти в два раза выше, чем в Западной Европе и коллективистских странах [Tyldum, Kolstø 2004: 38]. Умеренная национальная гордость в Западной Европе и сильная национальная гордость в Восточной Европе: [Gulyanska 2005: 39].

²⁹ Ср. обесценивание слова *патриот* после 1991 г.: [Ферм 1994: 28].

³⁰ Цит. по: [Тер-Минасова 2000: 177]. Ср. Y.Richmond: «**Rodina**, the word for homeland, is feminine, and Mother Russia is the symbol of the nation. In this motherland, women are strong, hard-working, nurturing, long-suffering, and the true heroes of Russia», цит. по: [Леонтович 2005: 139].

Сравним это высказывание с цитатой из учебника по страноведению, где отсутствие патриотизма англичан связывается с развитым индивидуализмом:

«Perhaps because of the long tradition of a clear separation between the individual and the state, British people, although many of them feel proud to be British, are not normally actively patriotic. (...) They are individualistic and do not like to feel that they are personally representing their country. (...) ...in an opinion poll in the early 1990s ... almost half said that they would emigrate if they could – suggesting a low degree of attachment to the country» [O'Driscoll 2001: 54].

В России даже после результатов реформ 1990-х гг. желающих покинуть страну насчитывалось всего 4% [Киевский Международный Институт Социологии 2003].

4.7. Результаты многочисленных исследований показали, что женщины более склонны к проявлению эмоциональности на языковом уровне, будь то уменьшительно-ласкательные суффиксы, превосходные степени прилагательных или преувеличения [Eichhoff-Cyrgus 2004: 197; Falger 2001: 73; Gougeon 2002; Myers 2002: 179-181; Болтенко 2002а; Вежбицкая 1996: 47-55]³¹. Из-за смешения гендерных ролей в фемининных культурах соответствующие языки должны отличаться большей эмоциональностью по сравнению с языками маскулинных культур, где проявления типично женских черт характера или эмоций (напр., нежности, печали) считаются для мужчин неприемлемыми [ср. Gudykunst, Lee 2002: 38].

Действительно, этому нетрудно найти подтверждение. Например, общее количество фразеологических единиц для выражения эмоций в русском языке превышает таковое в английском [Багдасарова 2005, ср. Цветкова 1997: 179-180]³². В русской речи [Linström 2004; Колесов 1999: 135; Кузнецова 2004]³³, как и в речи женщин [Postl 1991: 56; Денисова 2003; Колесов 2001; Осиновская], встречается сравнительно много частиц, служащих для выражения эмоций. Давно подмечено, что носители русского языка склонны к оценочным выражениям [Еремеев 2002; Леонтович 2005:

³¹ Превосходная степень, преувеличения, повторения, эмфаза: [Braun 1998: 63]. Превосходная степень, уменьшительно-ласкательные суффиксы: [Колесов 2001]. Превосходная степень: [Денисова 2003]. Уменьшительно-ласкательные суффиксы: [Берия 2005]. Преувеличения: [Postl 1991: 49]. Эмоциональность в голосе: [Кирилина 2004: 21, 71]. Мужчины преувеличивают только из вежливости при выражении позитивных эмоций: [Омельченко 2000: 37, 39].

³² Исчезновение глаголов, описывающих эмоции, в современном английском: [Вежбицкая 1996: 40-41].

³³ Частое употребление частиц автор объясняет склонностью русских к фатализму, расплывчатости выражений, а также их неуверенностью: [Чернышева 2004]. Частицы из-за склонности русских к расплывчатости выражений: [Арутюнова 1999: 814-829]. В приказах: [Еремеев 2002]. Очень много частиц в русском по сравнению с английским: [Wierzbicka 1992: 433]. Малочисленность частиц в английском из-за индивидуализма: [Deutschbein 1928: 50-51]. В украинском также много частиц по сравнению с английским: [Корунець 2003: 271].

162; Прохоров 1996: 119; Стернин 1996: 104; Уфимцева 1996: 160]³⁴ (как и женщины [Берия 2005; Земская et al. 1993: 98; Маслова 2001: 129; Мечковская 2000: 146; Осинская]³⁵), в то время как носители английского (как и мужчины) предпочитают нейтральные высказывания.

Оценочность эта распространяется не только на устную коммуникацию: например, Н.Красавский отмечает, что «в немецкоязычных словарных определениях актуальными являются признаки *причины* и *последствий* переживания эмоции, в то время как в русскоязычных дефинициях значительно более продуктивны *оценочные* признаки (“радостный”, “скорбный”, “тоскливый” и т.п.). Для составителей русскоязычных толковых словарей – элитарных языковых личностей – не столь важны сами по себе события, вызвавшие переживание той/ иной эмоции, но более релевантны *само переживание, форма, характер* её протекания с позиции эмоциональной оценки» [Красавский 2001: 115-116].

Как женскому гендерлекту [Postl 1991: 42-43; Smith 1989: 69-70; Потапов 2000]³⁶, так и русскому языку [Швачко et al. 1977: 18] приписывают ярко выраженный интонационный динамизм. Редупликация отдельных слов или выражений для эмоциональной интенсификации высказывания (*маленький-маленький, давай-давай*) активно применяется и в русском языке³⁷, и в женской речи [Smith 1989: 154]. Если англичане соблюдают очерёдность высказываний, то в русском коммуникативном пространстве в беседах часто начинают говорить наперебой³⁸, что свойственно и женщинам (не для того, чтобы заставить замолчать партнёра, а скорее от избытка эмоций) [Земская et al. 1993: 98, 118]³⁹. Как в женской речи по сравнению с мужской [Lakoff 1979: 67; Гвоздева 2004; Земская et al.

³⁴ Всё больше оценочных выражений в русском языке: [Eckert, Sternin 2004: 17, 33]. 40% русской и 15% английской лексики несут оценочную компоненту: [Максименко 2001: 175]. Меньше оценочности в коммуникации англичан и американцев: [Стернин 2005b: 331-333]. Русские более склонны к оценочности: [Бреус 1998]. Склонность русских к категорическим высказываниям: [Карасик 2004: 176]. Сильная оценочность в русском: [Вежицкая 1996: 47-55, 83-84]. Мало оценочности в английском из-за *understatement*: [Deutschbein 1928: 51].

³⁵ Оценочность из-за эмоциональности: [Гвоздева 2004].

³⁶ Ср. «Sprachlich äußert sich diese Abneigung, die innere Anteilnahme aufzudecken, auf vielfache Weise. Zunächst vermeidet der Engländer 'violent changes in intonation', besonders das plötzliche starke Steigen und Fallen der Stimme, worin eine starke emotionale Erregung zum Ausdruck kommt» [Deutschbein 1928: 51].

³⁷ В приказах как выражение эмоциональности: [Еремеев 2002]. Редупликация в форме повторения слов типична для флективных языков в качестве экспрессивного средства: [Рыбаков 2005].

³⁸ Русские как представители полиактивных культур, англичане и американцы как представители моноактивных культур: [Стеблецова 2004: 90]. Описаны коллективистские культуры с тем же способом общения наперебой: [Gudykunst 1998: 183; Tannen 1994: 69]. Перебивать собеседника в англо-американской культуре не принято: [Стернин 2005b: 331-332]. Перебивать собеседника в России допустимо: [Стернин 2005b: 334].

³⁹ «Women are more comfortable talking when there is more than one voice going at once» [Tannen 1994: 70].

1993: 99, 123; Кирилина 2004: 66; Маслова 2001: 129; Осиновская], так и в русском языке по сравнению с английским⁴⁰ встречается относительно много междометий. К проявлениям эмоциональности можно отнести и сравнительно частое употребление восклицательного знака женщинами [Денисова 2003; Земская et al. 1993: 99; Осиновская] и в русском коммуникативном пространстве [Леонтович 2005: 185] (поэтому, например, при переводе русских текстов на английский восклицательные знаки принято удалять [Маслова 2001: 11; Тер-Минасова 2000: 155]). Русские используют максималистские выражения типа *ужасно, идеально, чрезвычайно, абсолютно* и т.п. до десяти раз чаще, чем англичане [Багдасарова 2005].

А.Вежбицкая увидела в русском языке отражение «[m]oral passion – the stress on the moral dimensions of human life, on the struggle between good and evil (in others and in oneself), the tendency to extreme and absolute moral judgements» [Wierzbicka 1992: 395]. Отсутствие эмоциональности в английском она приписывает вере англичанина в рассудок и здравый смысл:

«In a secular society, where many traditional values (for example, *goodness, fidelity, mercy, valor, selflessness, self-denial, innocence, humility, and modesty*) and sins (for example, *infidelity, pride, shamelessness, lust, self-indulgence, gluttony, and intemperance*) have increasingly come to be seen as obsolete, sometimes even ridiculous, what is there to appeal to as a basis for ethics? One of the most important notions to appeal to appears to be that of 'reasonableness'. (...) We may note in this connection that although the word *reasonable* appears sometimes in English translations of Russian novels (as a translation of the word *razumnyj*) there is no collocation in Russian corresponding to the English *reasonable voice*. The reason for this is not only that *razumnyj* does not mean the same as *reasonable* but also that there is no corresponding cultural script linking good thinking with emotional self-control (or indeed, a script, encouraging emotional self-control in the first place)» [Wierzbicka 2006: 136, 138].

В эмоциональности русских Вежбицкая видит одно из выражений коллективизма⁴¹. С.Берия видит в склонности русских к максималистским выска-

⁴⁰ В приказах: [Еремеев 2002]. Редкость междометий в английском: [Kainz 1965: 318]. В русском междометия используются чаще, чем в английском: [Wierzbicka 2003: 339].

⁴¹ «Например, считается, что важнейшая черта русских – коллективизм (соборность), поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность взаимоотношений. Эти особенности русской культуры отражаются в русском языке. Как считает А.Вежбицкая, «русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания (чем английский) и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [Мечковская 2000: 11].

званиям одно из проявлений фемининности русского языка (как и в эмоциональности вообще)⁴².

Если сравнить морфологический инвентарь для выражения эмоций в русском языке с аналогичными языковыми средствами в языках западных, нетрудно заметить, что русский в этом отношении несоизмеримо богаче [Зеленецкий 2004: 190; Игнатъева 2000: 26; Максименко 2001: 175; Омельченко 2000: 37-38; Стеблецова 2004: 90; Стернин 1996: 104]⁴³:

«Известно, что в русском языке имеется очень большое количество **уменьшительных и ласкательных суффиксов**: *-очк-* (*-ечк-*), *-оньк-* (*-еньк-*), *-ушк-* (*-юшк-*), *-ик-* и многих других. Носитель английского языка, практически не имеющего таких суффиксов (*bird* ‘птица’ – *birdie* ‘птичка’, *girl* ‘девочка’ – *girlie* ‘девчушка’ – это редкие исключения), не может даже отдаленно вообразить себе все то огромное суффиксальное богатство русского языка, которое предоставляет его носителям возможность выразить столь же огромное богатство тончайших нюансов любящей души (поскольку эти суффиксы даже в сухих грамматических учебниках называются уменьшительно-ласкательными).

Как известно, стереотипный образ России и русского человека на Западе – это медведь, могучий, но грубый и опасный зверь. Так вот родной язык этого зверя отражает его потребность в передаче оттенков хорошего отношения к миру, любви и ласки (язык – зеркало культуры) и формирует из него тонкую и любящую личность, предоставляя в его распоряжение большое разнообразие языковых средств для выражения этого самого хорошего отношения к миру. Причем именно к МИРУ, а не только к людям, потому что уменьшительно-ласкательные суффиксы с одинаковым энтузиазмом присоединяются русскими людьми и к одушевленным, и к неодушевленным предметам.

⁴² Эмоциональность – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков; любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям» [Берия 2005].

⁴³ Уменьшительно-ласкательные суффиксы, ругательства, большой синонимический ряд ‘сочувствие’: [Трестерова 1999: 179]. Эмоциональность русских, воспринимаемая иногда американцами как агрессивность: [Леонтович 2005: 158, 280]. Склонность к «гиперболизированным чувствам» у коллективистов: [Ивин 2000: 81]. Максимализм и эмоциональность русских: [Еремеев 2002]. Больше морфологических и стилистических средств для выражения эмоций в русском, чем в английском, в первую очередь экспрессивных суффиксов: [Мельник 2001]. Больше языковых средств для выражения эмоций в языках коллективистских культур, чем в языках индивидуалистических культур: [Красных 2002: 226]. «A cultural emphasis on interpersonal warmth (in private relations) can be said to be characteristic of Russian culture, but not of American or Japanese culture. Such an emphasis is reflected, for example, in the extraordinary wealth of Russian expressive derivation, and in particular, in the abundance of hypocoristic forms of Russian names» [Wierzbicka 2003: 86].

Разумеется, это создает большие трудности при переводе. Представьте себе, что русское слово *старушка* в есенинском “Ты жива еще, моя старушка?” требует в переводе четырех (!) английских слов: “Are you still alive, my *dear little old woman*?”» [Тер-Минасова 2000: 154, ср. Леонтович 2005: 214, 250]⁴⁴.

Аналогично обстоит дело и с немецким: кроме довольно редких суффиксов *-chen*, *-lein* и *-y/ie*, в немецком языке соответствующих морфологических средств просто нет, если не считать различные региональные варианты и некоторые редкие суффиксы. Кроме того, если *-y/ie* продуктивен под влиянием английского, то область употребления *-chen* и *-lein* постоянно сокращается, уступая место нейтральным формам. В русском же в общей сложности насчитывается до 80 экспрессивных суффиксов, хотя не все они употребляются с одинаковой частотой [Wierzbicka 1992: 237].

Тема уменьшительно-ласкательных суффиксов уже достаточно хорошо описана в этнолингвистической и культурологической литературе⁴⁵, поэтому имеет смысл вместо их подробного разбора перейти к некоторым фактам, не позволяющим причислить развитую систему языковых средств для выражения эмоций к проявлениям фемининности культуры на языковом уровне. Возможно, самым сильным контраргументом является тот факт, что языки скандинавских стран (т.е. самых фемининных в мире) не отличаются особым богатством диминутивных суффиксов или какими-либо другими средствами для эмоционализации речи. Кроме того, Б.Штолт в своём сравнительном исследовании прагматики немецкой (маскулинной) и шведской (фемининной) вербальной и невербальной коммуникации установила, что шведы меньше пользуются мимикой, жестикой, фонологическими средствами (напр., резкими перепадами интонаций) и т.д. для выражения эмоций, чем немцы [Casper-Nehne 1999: 92].

Согласно Т.Стефаненко, определённую склонность к применению языковых средств для подчёркивания эмоциональности имеют так называемые высококонтекстные культуры – обычно это измерение кросс-культурного анализа совпадает с коллективизмом, а низкоконтекстные культуры являются, соответственно, индивидуалистическими [Стефаненко 2004]. Следовательно, и в этом случае мы наблюдаем пересечение дихотомий ф/м и к/и, причём с ростом удельной доли индивидуализма в системе ценностей определённого народа количество уменьшительных форм в соответствующем языке обычно сокращается (напр., в древнефранцузском их насчитывалось 1500, из которых до сегодняшнего дня сохранились лишь единицы [Kainz 1965: 271-272]). Поэтому не исключено, что отсутствие эмоциональности в речи шведов обусловлено взаимно нейтрализующим действием фемининности и индивидуализма, а яркая эмоцио-

⁴⁴ Суффиксы субъективной оценки в английском, русском, украинском: [Швачко et al. 1977: 27-28]. «Теплота» славянских культур в противопоставлении англосаксонским на примере уменьшительных форм: [Wierzbicka 2003: 50-51]. Русский и английский: [Аракин 2005: 201-203]. *Understatement* как причина малочисленности уменьшительных форм: [Deutschbein 1928: 52].

⁴⁵ Напр., [Wierzbicka 1992: 244-269].

нальность русского коммуникативного стиля, напротив, является следствием интенсификации характеристик фемининности коллективизмом.

Нельзя не учитывать и типологические особенности рассматриваемых нами языков. Например, аналитические языки менее склонны применять аффиксацию по сравнению с синтетическими, поэтому ожидать активного применения уменьшительно-ласкательных суффиксов от носителей английского или немецкого нет никаких оснований [Гак 2003] (английский является самым аналитизированным из всех индоевропейских языков, кроме, возможно, африкаанса; немецкий значительно более аналитизированным по сравнению с русским [Зеленецкий, Монахов 1983: 10, ср. Зеленецкий 2004: 27]). Вместо аффиксации аналитические языки более склонны к словосложению, заимствованию слов из других языков, расширению значения уже существующих слов [Зеленецкий, Монахов 1983: 109, 173-174, 190]⁴⁶, применению наречий [Gladrow 1989: 25] (если в русском молодёжном сленге говорят *наукульнейший*, то в немецком *überaus cool* или *besonders cool*). Тем не менее все эти языковые средства применяются в аналитических языках несоизмеримо реже, чем аффиксация в русском, что говорит об отсутствии потребности выражать свои эмоции в той же мере, как это принято в России.

Таким образом, прямое сравнение русского языка с западными в данном случае невозможно из-за значительных типологических расхождений (в западных языках, в т.ч. скандинавских, обычно более ярко выражен аналитизм, а в русском из-за его «консервативности» имеют место сохранившиеся ещё со времён индоевропейского праязыка черты синтетизма). Более точные результаты могли бы дать обширные сравнительные исследования языков примерно одного уровня аналитизма и маскулинности или фемининности. На данном этапе исследований, однако, есть все основания полагать, что ярко выраженная фемининность русской культуры, подкреплённая коллективистским мировоззрением, действительно способствует более яркому выражению эмоций по сравнению с западными культурами.

4.8. Анализ некоторых ассоциативных полей, связанных с определёнными специфическими для данной культуры понятиями, позволяет предположить влияние ф/м и на этом уровне кросс-культурного анализа. В частности, первой реакцией русских на стимул «женщина» являются «мужчина» (13%), «красивая» (12%), «мать» (7%); у англичан – «man/ men» (65%), «girl» (9%), «child» (7,5%); у немцев – «Mann» (72%), «Mutter» + «Kind» + «Leben» (всего 7%). Характерными реакциями у русских, которые не встречались у немцев и англичан, были «святость» и «душа», что ещё раз свидетельствует об относительно высокой оценке женщин в русском культурном пространстве [Дубов 1997: 262-263, 273-274].

Не менее интересны и ассоциативные поля, закреплённые лексикографически. Например, как отмечает Э.Болтенко, сопоставление словарных дефиниций лексических единиц «человек», «мужчина» и «Mensch»,

⁴⁶ Ср. Словосложение типичней для английского, чем для русского: [Рыбаков 2005].

«Mann» приводит к выводу о том, что «немецкие словари в значительно большей степени, нежели русские, дефинируют мужчину как лицо активное, более сексуализованное и подчеркивают его производящую функцию (das zeugende, befruchtende Geschlecht). В русских словарях акцентируется прокреативная функция женщин. Слово “мужественность”, в отличие от его немецкого соответствия “Männlichkeit”, трактуется словарями лишь как отвага, храбрость, тогда как немецкие словари и в этом случае акцентируют физиологические аспекты» [Болтенко 2002b]. В этом автор видит проявление фемининности русского языка.

4.9. Во второй половине XX века в рамках гендерной лингвистики и особенно феминистического дискурса возникли различные концепции своеобразного женского языка, который должен ещё быть создан и очищен от мужского влияния. Если взглянуть на некоторые из этих концепций, можно обнаружить много общего с характерными особенностями русского языка по сравнению с языками западными. Например, согласно французской феминистке Л.Иригари, в будущем языке женщин не будет ни чётких форм слов, ни чётких значений; смысл будет течь и изменяться в зависимости от контекста, избегая чёткой линейности, формальности и логичности языка мужчин [Postl 1991: 142, ср. Lipovetsky 1995: 44-45]. С точки зрения американской радикальной феминистки М.Дэли, будущий язык женщин будет всегда пребывать в движении, изменении, избегать чётких значений и форм [Postl 1991: 209].

Чтобы сравнить русский, английский и немецкий в этом отношении, необходимо оставить кодифицированный литературный язык и внимательнее присмотреться к тем метаморфозам, которые претерпевают слова соответствующего языка в повседневной разговорной речи, где говорящий не скован никакими правилами и условностями. Именно здесь становится очевидным, что, в частности, название операционной системы DOS не меняет своей формы ни в английском, ни в немецком, зато в русском каждый носитель языка волен изменять форму слова в зависимости от настроения, отношения к собеседнику и личных творческих способностей: *досяра*, *доска*, *доза* (замена слова на похожее), *дося*, *досинэлла* и т.д. Значение остаётся понятным благодаря контексту, что ещё раз позволяет отнести Россию к высококонтекстным культурам, в которых благодаря более высокому уровню социализации говорящий может делать больший упор на общие фоновые знания, всем известный и понятный подтекст, дискурс, контекст. Следует, однако, опять же учитывать типологический аспект, а именно большую склонность русского к аффиксации, чем в аналитических языках.

Среди особо частых средств лингвистической игры, не встречающихся или встречающихся очень редко в западных языках индоевропейского происхождения, можно назвать следующие:

- частичная ретимологизация: *база данных* – *даза банных*, *Bill Clinton* – *Клин Блинтон*, *USRobotics Sportster* – *Шпротстер*, *break point* – *брякпойнт*, *display* – *дисплой*, *debugger* – *долбаггер*, *DR-DOS* – *дурдос* и *дырдос*, *Norton guide* – *нортон-гад*, *to boot* – *обутить*, *server* – *стервер*, *shedule* – *шедуля*;

- замена слов на формально похожие без какого-либо связующего звена на уровне семантики: *driver* – дрова, *Pentium* – пень и петух, *homepage* – хомяк, *NASDAQ* – наждак, *Audi A8* – Авдотья, *Front Door* – Федора, *The Cure* – куры, *Metallica* – Метелица, *Hacker's Viewer* – Фюпер, *Prodigy* – Пролежни, *Cirrus Logic* (видеокарта) – цирроз и цитрус;
- контаминация: *Hacker's Viewer* – Хюпер, Хьювер, Хьюер, Хьюшечка.

В качестве примеров были выбраны англицизмы, чтобы показать, что даже иноязычный языковой материал при частом употреблении (в данном случае в среде программистов) подстраивается путём различных (обычно морфологических) трансформаций под категории русской ментальности. В немецком языке, напротив, англицизмы остаются неизменны в своей форме вплоть до того, что в них не применяются ни формы множественного числа, требующие умлаута, ни окончание датива ед. ч. *-n*, ни – в некоторых случаях – окончания генитива *-s*.

Эта компонента непредсказуемости, неопределённости, иррациональности в русском национальном характере (не только на языковом уровне) достаточно хорошо описана с большей или меньшей долей иронии, заидеологизированности и серьёзности не только в культурологических работах, но и в самом широком круге источников на тему истории, политики и философии. Например, американский писатель и историк Г.Адамс (1838-1918) считал Россию воплощением хаоса; философ В.Шубарт (1897-1941) утверждал, что русские с тайной радостью ждут хаоса, в то время как представители западных культур его боятся; фашисты оправдывали склонностью русских к хаосу свои планы экспансии, представляя себя неким организующим элементом; итальянский философ М.Бэринг (1874-1945) объяснял противоречивость и непредсказуемость русского характера женской сущностью русской культуры [Рябов 2000], Г.Федотов говорил об органической нелюбви русских к законченным формам [Wierzbicka 1992: 174].

Тем не менее окончательно связывать якобы присущую русским иррациональность и нелюбовь к формам (в качестве отражения фемининности русского национального характера) с перечисленными выше лингвистическими играми представляется необоснованным уже потому, что нет соответствующих доказательств ни правдивости подобных культурологических стереотипов, ни склонности женщин к рэтимологизациям, замене слов на похожие и т.п. Напротив, особое распространение такие языковые игры получили в преимущественно мужской среде программистов, специалистов по компьютерной технике и автолюбителей. Очевидно, объяснение описанных в этом пункте лингвистических явлений следует искать в иной плоскости, например в распространившейся с начала перестройки «вербальной свободе», позволяющей не только игнорировать правила правописания, активно употреблять обсценную лексику в общественных местах и СМИ, но и заменять слова на совершенно другие, если их формы в чём-то схожи.

Логику западных авторов, характеризующих русскую культуру как хаотичную и фемининную, можно объяснить и с точки зрения чисто психологической: из стремления к положительной самооценке за счёт окружающих культур западные философы и культурологи присвоили своей культуре в различных дихотомиях те характеристики, которые обладают более положительной нагрузкой, а прочим культурам – эпитеты скорее негативные. Не разбираясь в русской культуре и не стараясь сделать попыток разобраться в ней, они просто отказывались признавать наличие в ней каких-либо разумно мотивированных схем поведения и списывали все непонятные им культуремы на хаотичность и отсутствие (конечно, несомого Западом) порядка. Каким образом народ, приверженный столь деструктивному, пассивному и алогичному мировоззрению, сумел построить самую большую державу в мире, сохранить в ней мир между народами, не прибегая к столь типичному для Запада геноциду (как в Северной и Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии), и веками сдерживать напор западных и восточных завоевателей, при таком видении вопроса остаётся только догадываться. На наш взгляд, нет никаких оснований видеть в русском языке и русской культуре некую особенную приверженность к хаосу и алогичности. Приведённые выше грамматические характеристики разговорной речи свидетельствуют скорее о желании говорящих выразить личное отношение к денотату или собеседнику в сочетании с подходящим для этого синтетическим языковым строем, располагающим к аффиксации.

Во всех следующих пунктах речь будет идти, в основном, о сравнении русского с английским языком.

4.10. Как женскому гендерлекту по сравнению с мужским [Кирилина 2004: 71; Земская et al. 1993: 93]⁴⁷, так и русскому языку по сравнению с английским [Колесов 2001; Семёнов 2003]⁴⁸ приписывают более высокую долю диалогичности и коллективного мышления, т.е. большее внимание к собеседнику, не дающее диалогу перерасти в поочерёдные монологи.

В последние годы можно наблюдать адаптацию русского коммуникативного поведения под пропагандируемый СМИ англо-американский образец, т.е. отступление диалогичности на второй план в процессе индивидуализации и маскулинизации русской культуры, коррелирующее со снижением общих коммуникативных объёмов, особенно личной переписки и частных телефонных разговоров [Eckert, Sternin 2004: 14], ростом взаимного недоверия и числа одиноких людей, круг общения которых ограничивается самими собою и домашними животными (отсюда «очеловечивание» образа животных и возникновение первых настоящих кладбищ для

⁴⁷ S.Trömel-Plötz: «Im Idealfall ist Frauensprache unterstützender Dialog, Offenheit, Kreditgeben, Akzeptieren, Verstehen...» [Postl 1991: 76, 81].

⁴⁸ «Коллективное мнение» русских и плюрализм мнений американцев: [Леонтович 2005: 181]. Ср. коммуникация в индивидуалистических странах как череда «long monologic turns»: [Gudykunst 1998: 182].

кошек и собак) [Гудзенко 2003]⁴⁹. По этой же причине пропадает и приписываемая как женщинам [Денисова 2003; Земская et al. 1993: 93], так и русским [Захаров 2000: 105; Игнатьева 2000: 26; Леонтович 2005: 158; Прохоров 1996: 119; Стеблецова 2004: 90; Тер-Минасова 2000: 150; Туманова 2003]⁵⁰ открытость в отношениях, готовность идти на новые контакты, в результате чего медленно, но уверенно распространяются максимы английской коммуникативной культуры, согласно которым «[e]very one of these islanders is an island himself, safe, tranquil, incommunicable» (Р.В.Эмерсон)⁵¹. Отграничивание от окружающих принимает различные формы: рост коммуникативной дистанции⁵² (небольшая коммуникативная дистанция присуща женщинам по сравнению с мужчинами [Tannen 1994: 90; Yögarajah 2001; Грошев 1996: 53]⁵³ и русским по сравнению с англичанами и американцами [Прохвачева 2002]⁵⁴), практически полное исчезновение ещё недавно распространённых «братских» поцелуев среди мужчин, введение коммуникативного стиля, обозначаемого англицизмом «смол ток» [Стернин 2005а: 163] (согласно Г.Хофстеде, эта пустая форма общения, направленная исключительно на поддержание поверхностных отношений, присуща в первую очередь индивидуалистическим культурам [Hofstede 2002: 229, ср. Andersen et al. 2002: 94]); рост частоты употребления слов *частный*, *чужой* и сокращение частоты употребления слов *доверие*, *дружба*, *дружить*, *дружный*, *дружно*, *заботиться*, *собрание*, *поддержка*, *поддерживать*, *коллектив*, *общественный*, *помочь*, *помогать*, *братский*, *взаимный* (см. Приложение 1). Согласно опросам 1996 года, особенно болезненно реагируют на нарушение их личной сферы (расспросы о содержании приватной корреспонденции, слишком малую коммуникативную дистанцию) бизнесмены, т.е. од-

⁴⁹ Ср. больше домашних животных в индивидуалистических обществах, особенно кошек: [Hofstede 2002: 241]. Согласно опросам, уровень взаимного доверия в русском обществе в 1994-2000 гг. уменьшился наполовину: [Moiseev 2004: 184]. Уже в начале 1990-х опросами был зафиксирован распад близких отношений во всех социальных группах: профессиональных, этнических, возрастных и т.д., рост социальной неуверенности: [Schabanowa 1996: 221].

⁵⁰ Исключение – американцы: [Стернин 1996: 104-105]. Открытость и теплота отношений – универсальный признак коллективистских культур: [Ивин 2000: 230]. Открытость, контактность русских по сравнению со всем Западом: [Еремеев 2002]. Русские более открыты по сравнению с англичанами – субъективное мнение опрошенных И.Кобозевой в 2000-м году: [Карасик 2004: 96-97].

⁵¹ Цит. по: [Deutschbein 1928: 39].

⁵² Личное пространство важнее для американцев, чем для русских, но после 1991 г. русские нагоняют американцев в этом отношении: [Козлова 2001].

⁵³ Мужчины держат большую дистанцию – *personal space* – во время общения, чем женщины: [Myers 2002: 173].

⁵⁴ Большая коммуникативная дистанция англичан и американцев по сравнению с русскими: [Стернин 2005b: 332]. «...American students of Russia and things Russian are amazed by the amount of touching, kissing, and hugging which visibly takes place among the Russians» [Wierzbicka 2003: 53]. Коммуникативная дистанция, вмешательство в личные дела других людей из-за отсутствия *privacy*: [Стернин 2002]. Важность приватной сферы для индивидуалистов: [Hofstede 2002: 227, 236]. *Privacy* в России и США: [Дубов 1997: 192-193].

на из наиболее прозападных групп населения [Дубов 1997: 210-211]. В.Карасик утверждает, что в последнее время русские всё неохотнее отвечают на вопросы о своих политических взглядах и доходах [Карасик 2004: 218].

4.11. Гиперкорректность и склонность к применению стандартного языка также приписываются и женскому гендерлекту по сравнению с мужским [Eichhoff-Cyrus 2004: 197; Falger 2001: 71; Langenmaug 1997: 534, 537; Stavvyts'ka 2005: 165; Денисова 2003; Кирилина 2004: 44; Колесов 2001], и русскому языку по сравнению с английским [Eckert, Sternin 2004: 11; «Журналистов надо учить и учить» 2000; Никипорец-Тагикава 2004: 34-35; Савельева 1995: 39]⁵⁵ (особенно в сопоставлении с его американским вариантом, где грамматика, согласно Ф.Кайнцу, эластичнее, части речи прозрачнее, т.е. чаще применяется конверсия, а глаголы легче становятся переходными [Kainz 1965: 120-122]). Тема это достаточно большая и требует более подробного рассмотрения, чем позволяют рамки этой статьи. Достаточно добавить, что обычно гиперкорректность ассоциируется не с фемининностью, а с коллективизмом, и именно разрушение коллективистских устоев общества в разные периоды истории было связано с вульгаризацией речи, распространением пейоративной лексики, игнорированием языковых норм и прочими явлениями, по непонятной причине называемыми сегодня в России «демократизацией языка».

4.12. В этом пункте собраны краткие тезисы, не требующие дополнительных объяснений. Русскому языку⁵⁶, как и женскому гендерлекту [Кирилина 2004: 69], приписывается некоторая склонность к пафосу, книжным выражениям, возвышенному стилю. Если в английской фразеологии часто используется тема спорта [Deutschbein 1928: 50] (т.е. мужская), то в русской – тема шитья [Карасик 2004: 108] (т.е. женская). Как русским [Леонтович 2005: 158], так и женскому гендерлекту [Braun 1998: 62; Falger 2001: 63; Gougeon 2002; Gudykunst 1998: 89; Savicki et al. 1996; Грошев 1996: 54; Земская et al. 1993: 99; Кирилина 2004: 49; Осиновская]⁵⁷ приписывают кооперативный стиль общения. Минимальные ответы, используемые для поддержки собеседника (*да, угу, кивки головой*), особенно часто употребляются в женском гендерлекте [Осиновская; Потапов 2000]; русский и английский

⁵⁵ О языке политики: [Dunn 1999: 34]. О разрушении норм произношения после 1985 г.: [Леонтович 2005: 212]. Разрушение языковых норм в русском; слабая выраженность языковых норм в американском английском по сравнению с британским: [Вербицкая 1999: 123-124, 278]. Американцы избегают формальностей и мало обращают внимание на языковые нормы из-за индивидуализма: [Полищук 1999: 32; Привалова 2001: 12].

⁵⁶ Из-за склонности к пафосу русские часто используют книжные выражения и высокий стиль: [Бреус 1998].

⁵⁷ «По мнению Робин Лакофф, речевое поведение женщины по сравнению с мужским отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью, большей ориентированностью на своего партнера. Женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника. Мужчины более агрессивны, стремятся в беседе держать ситуацию под контролем, менее склонны к компромиссам» [Берия 2005]. Но: русский, английский: [Гвоздева 2004].

в этом отношении, очевидно, никто не сравнивал, но в общем в коллективистских культурах их используют чаще [Gudykunst 1998: 183]. Если в американских анекдотах о семье доминирующую роль играют мужчины, то в русских чаще доминируют женщины (согласно исследованию И.Савченко и В.Дружинина, 1996 г.) [Карасик 2004: 320-321]. Русские говорят тише американцев⁵⁸, и сам факт, что среднестатистическая громкость речи в России в последнее время растёт⁵⁹, может свидетельствовать о маскулинизации культуры, т.к. женщинам свойственно говорить несколько тише мужчин [Леонтович 2005: 196; Langenmaуt 1997: 533]. Как англичанам [Аполлова 1977: 72, 120-126; Бреус 1998; Леонтович 2005: 119, 185; Прохоров 1996: 119]⁶⁰, так и мужскому гендерлекту [Осиновская]⁶¹ часто приписывают лаконизм, якобы распространяющийся после 1991 г. и в России⁶². Сложноподчинённые предложения встречаются чаще в английском языке⁶³ и мужском гендерлекте [Белянин 2001; Гвоздева 2004; Денисова 2003]. Хотя женщины более склонны к (эмоциональной) топикализации [Белянин 2001; Денисова 2003; Осиновская], сравнение русского и английского в этом отношении не представляется возможным из-за аналитической структуры английского, не допускающего столь вольной перестановки слов [ср. Аракин 2005: 37; Зеленецкий 2004: 26; Рыбаков 2005]. Русским [Еремеев 2002; Стернин 1996: 104]⁶⁴, как и женщинам [Земская et al. 1993: 113-114; Кирилина 2004: 71,

⁵⁸ Американцы говорят громче, чем большинство европейцев: [Леонтович 2005: 239]. Американцы говорят громче русских: [Леонтович 2005: 279-280; Стернин 2005b: 333]. Чем меньше power distance в данной культуре, тем громче голос: [Andersen et al. 2002: 96].

⁵⁹ Рост громкости в русском телерадиовещании, рост громкости политического диалога: [Eckert, Sternin 2004: 13, 17].

⁶⁰ «...Die Kräftigung, die Anschaulichkeit, Wucht und Macht des Stils werden erzielt zunächst durch das Streben nach Kürze – Kürze sowohl was die Wortlänge wie die Satzlänge anlangt»; автор связывает это с высокой социокультурной оценкой мужественности в Англии: [Deutschbein 1928: 67]. Англичане лаконичнее русских: [Стернин 1996: 104]. Склонность англичан к лаконизму, без упоминания русского: [Langenmaуt 1997: 326]. Язык прессы: [Комиссаров 1990: 134]. «Синтаксическая длина» русских высказываний на 24% больше, чем в английском: [Базылев, Сорокин 1998: 7].

⁶¹ Предложения и тексты: [Кирилина 2004: 221].

⁶² В прессе, в политическом дискурсе, в повседневном общении: [Eckert, Sternin 2004: 26, 32, 33]. Более короткие предложения, упрощение и коллоквиализация синтаксиса: [Валгина 2001].

⁶³ Сложносочинённые предложения для русского более типичны: [Степанов 1997]. В художественной литературе и вообще: [Мельник 2001]. Сложносочинённые предложения становятся всё более частыми [Валгина 2001].

⁶⁴ Русские и американцы: [Леонтович 2005: 186]; «Англосаксонский линейаризм»: [Langenmaуt 1997: 326]. Русские как представители полиактивных культур, англичане как представители моноактивных культур: [Стеблецова 2004: 90]. Восточноевропейские страны как high-context cultures, США как low-context culture: [Pethó, Heidrich 2005: 91]. «Most of classical Western thinking is based on the Aristotelian view of logic: analytical, linear and rational. Other cultures emphasise a more complex set of logic, which can be described as holistic, associative and affective» [Dahl 2000]. Линейная логика индивидуалистических культур, синтетическая логика коллективистских культур: [Gudykunst 1998: 177].

74; Осиновская]⁶⁵, более свойственно в беседе перескакивать с темы на тему, одновременно обсуждать никак не связанные между собой вопросы. Русские более склонны держать визуальный контакт во время коммуникации [Стефаненко 2004] (как и женщины [Tannen 1994: 90]). У русских [Стеблецова 2004: 90] и в женском гендерлекте [Lakoff 1979: 67; Грошев 1996: 54]⁶⁶ более активна мимика. Х.Каспер-Хене видит проявление феминности в относительно нечастом использовании официальных титулов (*господин, Ваша честь* и т.д.) [Casper-Hehne 1999: 81], что также вполне вписывается в рамки кросс-культурного сравнения русского и английского языков – титулы в русском с 1917 по 1991 гг. не использовались.

Об эгалитарных отношениях полов в России и относительно высоком статусе женщины свидетельствуют следующие пословицы [Кирилина 1999; Подобин, Зимина 1956]: *Почитай отца и мать, а жену – вятеро. У хорошей жены и плохой муж будет молодцом. У плохой жены муж на печи лежит, а хорошая сгонит. Курица – птица, женищина – орлица. Мужу не наносить и мешком, что жена натаскает горшком. Без женищины мужчина – что вода без плотины. Муж без жены – что гусь без воды. Без жены, что без рук. С худой женой – горе, а без жены – вдвое. Умная жена – что нищему сума. Муж – за гуж, жена – за другой. Жена не сбережёт, так мужу и подавно не сберечь. Хозяйка лежит – весь дом лежит, хозяйка с постели – весь дом на ногах. Все равны детки – и пареньки и девки. Мужики без баб – половинные люди. У кого жена не умирала, у того и горя не бывало. Не плачет мальи, не горюет убогий, а плачет да горюет вдовий. Вдовец – дочкам не отец, а сам круглый сирота. Мужик без бабы пуще малых деток сирота. Кто не вдовел, тот беды не терпел. Лучшие семь раз гореть, чем один раз вдоветь. Вор обкрадет – стены оставит, а жена умрет – всё со двора свезёт. Ворота стоят на двух столбах, а дом – на двух головах. Без мужа – что без головы, а без жены – что без ума. Хорошая жена – каменная стена, а худая – на голову положенная беда. Чего жена не любит, того мужу вовек не едать. С ухватом баба*

⁶⁵ «Erwähnenswert ist Edelskys Ansatz insofern, als sie im weiteren zwei Typen von floor unterscheidet: einen mit one-at-a-time speakers und einen zweiten mit einem von mehreren Sprechern/innen gemeinsam entwickelten Geschehen. Und seltsamerweise zeigte sich, dass floor 2, also jenes sprachliche Durch- und Nebeneinander mit unterschiedlichen Themen und Ausdrucksweisen, Frauen wesentlich förderlicher zu sein scheint als sämtliche andere Konstellationen...», «Der Begriff der Linearität nimmt für feministische Kritik am sogenannten männlichen Denken eine Schlüsselrolle ein. Er steht symptomatisch für Fortschritt, Gerichtetheit, Teleologie, Einheit, aber auch Systematik oder Rationalität – allesamt Werte, in denen eine feministische Theoriebildung die Ursachen für den Ausschluß weiblichen Denkens und Sprechens aus jeglicher Art des kulturellen Schaffens erblickt. Der Linearität der männlichen Zeit, des männlichen Denkens wird eine als weiblich bezeichnete Zeitempfindung gegenübergestellt, die eher in Dimensionen des Kreisens, der Konzentrik, des Sich-Ausbreitens, der Wiederholung, der Unvorhersagbarkeit und Nicht-Fixierbarkeit zum Ausdruck kommt» [Postl 1991: 73, 204].

⁶⁶ Все эмоции, кроме гнева, ярче выражают женщины: [Myers 2002: 183]. Невербальная коммуникация: [Берия 2005].

хоть на медведя. Утро вечера мудренее, жена мужа удалее. Княжна хороша, и барыня хороша, а живет красна и наша сестра. Буйну голову платком покрыть. Не женат – не человек; холостой – полчеловека.

Характерно также, что в женщинах ценятся, в первую очередь, внутренние качества, а отношение к красоте достаточно подозрительное: *С лица жены не воду пить: умела бы пироги печь. С лица воды не пить, а с человеком жить. Краса до венца, а ум до конца. Не беда, что черна, была бы проворна. Красотой сыт не будешь. Где бабы гладки, там воды нет в кадке. Красота до вечера, а доброта навек. Красна девка не телом, а делом. Хвалят на девке шёлк, коли в девке толк. Хоть и ряба, да любя. Снаружи красота, внутри пустота. Красота приглядится, а ум пригодится. Если муж хорош, то и рябая жена станет красивой. В уборе и пень хорош. Личиком беленька, да ума маленько. Собою пригожа, да обыком (обычаем) не гожа. Ягодка красна, да на вкус горька. Не пригожа, да пригодна. Красота приглядится, а щи не прихлебаются. Собою красава, да душа трухлява. Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла.*

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что паремиологический фонд русского языка столь богат, что при желании в нём можно найти пословицы, подтверждающие любую точку зрения на любой интересовавший широкие слои населения вопрос (ср. *От нашего ребра нам не ждать добра. Кобыла не лошадь, баба не человек. Баба да бес – один у них вес*). Поэтому речь в данном случае может идти только о количественном доминировании групп пословиц, выражающих одно мнение, над другими группами. В этом отношении любопытны и результаты следующего исследования.

Проведённое А.Кирилиной сравнительное исследование фразеологических единиц русского и немецкого языков принесло следующие результаты:

1. В русском языке значительно больше фразеологических единиц, тематизирующих женский образ: 1800 против 400 в немецком. Этот факт, как полагает автор, приобретает еще большую значимость в свете утверждений представительниц германской феминистской лингвистики (напр. Л.Пуш) о «замалчивании» (*Unsichtbarmachung*) женщин и их деятельности немецким языком.

2. Образ женщины представлен в русском материале значительно шире не только в количественном, но и в качественном отношении: отражены разнообразнейшие социальные роли, степени родства, этапы жизни женщины, ее разнообразные задачи и умения (невеста, мать, жена, сестра, сваха, теща, свекровь, невестка, золовка, хозяйка, мачеха, кума, попадья и т.д.). Поскольку количество номинаций концепта в языке прямо пропорционально его культурной значимости для данного народа, автор делает вывод о большей значимости женщин и женской деятельности для русской культуры.

3. Русская паремиология отличается от немецкой наличием в ней женского голоса, аккумулирующего наблюдение за бытием «от первого лица», от лица женщины, что свидетельствует о проявлении женской воли и самостоятельности. Кроме того, благодаря многочисленным неопределенно-

личными и безличными конструкциями русского языка, многие пословицы можно относить к любому человеку, независимо от его пола (*Выше головы не прыгнешь*), что дополнительно снижает андроцентричность русского языка и позволяет заключить, что гендерный аспект в русском языке в силу самой языковой специфики может быть во многих случаях элиминирован.

4. В русской паремиологии более ранних временных пластов внешность женщины не имеет решающего значения, в то время как немецкие фразеологические единицы, напротив, придают этим качествам высокую значимость.

5. Валентность слов *муж* и *жена* обнаруживает в русском высокую степень параллелизма. В русском значительно ярче акцентируется зависимость мужа от жены, особенно в пожилом возрасте: *Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка*. Концепт отцовства, в отличие от концепта материнства, представлен весьма слабо, особенно по сравнению с немецким языком. В немецком языке женщина представлена не так ярко. Из слов *der Mann* и *die Frau* большей сочетаемостью пользуется *der Mann*, причем это слово характеризуется положительно. *Die Frau* обладает очень низкой сочетаемостью и очень слабо характеризуется по сравнению с русским языком.

6. В немецком противопоставление полов выражено более чётко, чем в русском. В этом пункте А.Кирилина вступает в дискуссию с авторами, приписывающими русскому языку (и, соответственно, народу) значительно более негативное отношение к женщине:

«Действительно, в ряде работ (В.Ерофеев, 1998, Tafel, 1997) утверждается высокая степень негативной коннотированности концепта “Женщина” в русском языке. Такая точка зрения была свойственна и автору диссертации на начальном этапе исследования пословиц и поговорок. Однако более глубокий количественный и качественный анализ материала посредством сплошной выборки и обработки большого количества объемных лексикографических трудов заставил нас изменить свою точку зрения. Лишь большое, по возможности, исчерпывающее, количество языковых единиц дает возможность объективной оценки культурных стереотипов и выявления доминирующих коннотаций, оценок и семантических областей, релевантных для экспликации исследуемого концепта. В указанных выше работах анализ проведен на материале 40 (Tafel), 15 (Ерофеев) пословиц. Работа Красавского и Кириной (1996) рассматривает 27 ФЕ [фразеологических единиц], что дает основания усомниться в достоверности и объективности выводов, так как практически весь паремиологический фонд как немецкого, так и русского языка остался за рамками названных исследований. Работа со столь непредставительным материалом, на наш взгляд, не дает оснований делать выводы, подобные следующим: “Нет ни одной народной культуры в мире, где бы так цинично относились к женщине, как это было у нас” [Ерофеев 1998: 22]. Еще раз напомним, что вывод сделан на материале 15 пословиц. Паремиологический ма-

териал других языков для сопоставления вообще не привлекался (в связи с изложенным одним из методологических выводов нашего исследования должен стать вывод о необходимости работы с большими массивами данных, позволяющими установить доминирующие тенденции, ядро и периферию и в целом прототип)» [Кирилина 1999].

Таким образом, результаты сравнительных исследований русской и немецкой фразеологии показали, что в более маскулинной немецкой культуре само существование женщины замалчивается больше, чем в русской, а её качества чаще измеряются внешним видом. Следует также отметить, что сравнительные исследования такого рода затрудняются тем, что в последние десятилетия в ФРГ начали активно корректировать лексикографические материалы в угоду политкорректности, из-за чего «унижающие» женщин пословицы (напр., *Ein Mann ein Wort. Eine Frau ein Wörterbuch*) удаляются из старых и не вносятся в новые издания. Аналогичная практика наблюдалась и в Советском Союзе (одновременно делались неуклюжие попытки ввести новые пословицы, подчёркивающие равноправие полов после революции: *Жена мужу не прислуга, а подруга; Женщина раньше рабыней бала, а теперь мужчине равна; После Октября женщина во всех правах равна*) [Кирилина 1999].

4.13. Как известно, в мужской речи обценная лексика (как и вульгаризмы, сальные анекдоты и т.п.) встречается значительно чаще, чем в женской [Langenmayr 1997: 263; Postl 1991: 46; Savicki et al. 1996; Smith 1989: 153; Stavyt's'ka 2005: 164; Берия 2005; Денисова 2003; Институт исследования общественного мнения 2003; Маслова 2001: 129]⁶⁷, причём соответствующие исследования были проведены уже на материале более ста языков [Langenmayr 1997: 263], что позволяет говорить об универсальности данного гендерного признака. Результаты сравнительной характеристики английского и русского языков в этом отношении несколько противоречивы: из-за синтетической структуры русского языка в нём значительно легче строить (путём аффиксации) дериваты от соответствующих корней, таким образом расширяя синонимические ряды ярко пейоративной окраски, но нельзя игнорировать и тот факт, что в русском языке эти синонимические ряды до недавнего времени сдерживались в самых низких вариантах субстандарта и обычно полностью табуизировались в СМИ и прочих доменах применения литературного языка. Даже при переводе западной прессы в СССР сознательно удалялись и мат, и вульгаризмы, и жаргонизмы, о чём открыто говорилось в литературе по переводоведению [Комиссаров 1990: 133-134; Левицкая, Фитерман 1963: 15]. В английском и немецком подобной ярко выраженной разграниченности доменов употребления давно не существует, что значительно повлияло и на распространение мата в России после 1991 года, когда поток западных (обычно американских) фильмов снял табу со многих единиц обценной лексики и даже расширил её за

⁶⁷ «Мужчины более выразительно используют отрицательную оценку, включают стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы» [Кирилина, Томская 2005].

счёт англицизмов [ср. Eckert, Sternin 2004: 98; Леонтович 2005: 98]. Не секрет также, что именно в американском варианте английского встречается особенно много обсценной лексики по сравнению не только с русским, но и с европейскими языками [Stavyts'ka 2005: 167].

Некоторые учёные подчёркивают общее более негативное отношение русских к мату [Леонтович 2005: 260; Слышкин 2001], что косвенно можно подтвердить и результатами опросов: если в США избегают применять ругательства 21% опрошенных⁶⁸, то в России их 28% (хотя это число и уменьшается с каждым годом) [Институт исследования общественного мнения 2004]. В 1996 году в среднем по России 87% опрошенных реагировали негативно на применение мата, но среди (американизированной) молодёжи соответствующий показатель составлял всего 61% [Дубов 1997: 196, 209]. В 2005 году негативное отношение к мату высказали лишь 74% опрошенных [Митрошенков 2005] (т.е. на 13% меньше, чем в 1996 г.) – очевидно, происходит привыкание к новой системе ценностей и соответствующим максимам коммуникации (причём и в этом случае некоторые авторы говорят о «демократизации» и «либерализации» на языковом уровне⁶⁹). В данном контексте можно вспомнить, что в советской лингвистической литературе тоже говорили о демократизации языка (напр., А.Швец в 1979 году о языке прессы [Kempgen 1995: 62]), но речь шла тогда не о распространении мата по американскому образцу, а об упрощении синтаксиса, языковой экономии и использовании просторечных выражений. Если применить терминологию В.Карасика, с 1991 года языковая норма опускается с уровня нейтральной языковой личности до уровня вульгарной языковой личности [Карасик 2004: 19], что коррелирует с общим падением языковой культуры во всех возрастных группах и сокращением словарного запаса в идиолектах.

Конечно, объяснять распространение обсценной лексики только masculinization русской культуры было бы непомерным упрощением действительного положения вещей. Например, В.Елистратов связывает вульгаризацию речи с концом стабильной советской эпохи, потерей моральных ориентиров и ценностей [Богданович 2000]. Нетрудно связать распространение мата и с индивидуализацией, поскольку представители индивидуалистических культур значительно меньше коллективистов стремятся к сохранению общей гармонии и, соответственно, «expressions of conflict allowed or condoned; conflicts viewed as natural» [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 142]⁷⁰. Свою роль сыграла и криминализация общества, а также пропаганда криминального мира в отечественных СМИ [Shlapentokh 2004: 231-232]. Отдельные учёные видят в распространении мата вину коммунистов⁷¹, хотя причинно-следственная связь в данном случае не совсем ясна, поскольку

⁶⁸ Опрос проведен *Ipsos* [«Хроника *#+%@!!!!!!» 2006].

⁶⁹ Напр., [Линник 2002, ср. «Журналистов надо учить и учить!» 2000, Семенюк 2002: 21, Шаповалова 2003: 15].

⁷⁰ Ср. Распространение мата – признак прагматизма, индивидуальности и растущей агрессивности в обществе: [Космеда 2002].

⁷¹ Напр., [Ивин 2000: 495].

распространился он уже после 1991 года. Ещё более абсурдной представляется упомянутая в одной из работ В.Колесова идея (которую он сам не разделяет), будто ругательства компенсируют недостаток в русском языке категории артикля⁷². В задачи этой работы не входит подробное описание категории определённости/неопределённости в русском языке (она хорошо описана, например, А.Зеленецким [Зеленецкий 2004: 128-135]), но нельзя не упомянуть, что её инвентарь достаточно велик, чтобы обойтись без столь сомнительной помощи, как инвективы: это и порядок слов, и интонация, и частица *-то*, и падеж (*он принёс папиросы = er brachte die Zigaretten* vs. *он принёс папирос = er brachte Zigaretten*), и указательные местоимения.

Таким образом, на распространение обценной лексики среди русскоговорящих на постсоветском пространстве повлиял целый комплекс факторов, среди которых маскулинизация культуры если и сыграла свою роль, то наверняка не решающую.

Значительно изменились на постсоветском пространстве и формы обращения. И.Стернин отмечает распространение фамильярных форм, особенно тыканья [Eckert, Sternin 2004: 14]. Хотя в рамках международных культурологических исследований связь между к/и и формами обращений доказать не удалось [Hofstede 2002: 234], есть основания полагать, что родственная ей дихотомия ф/м всё-таки влияет на выбор соответствующих языковых средств. Так, например, опросы 1996-го года в России показали, что женщины относятся к распространению «демократического» тыканья более негативно, чем мужчины [Дубов 1997: 200].

Кроме мата и обращения на *ты*, женщины обычно стараются избегать сленговых выражений и жаргонизмов [Postl 1991: 46-47; Кирилина 2004: 69; Stavys'tka 2005: 165]⁷³. До недавнего времени это утверждение можно было отнести и к русским по сравнению с англичанами и американцами: целостность русского языка официально пропагандировалась сверху, сленг был распространён лишь в маргинальных группах [Eckert, Sternin 2004: 11-12, 63-64; Stavys'tka 2005: 12; Граудина 2002; «Журналистов надо учить и учить!» 2000; Савельева 1995: 39] и обладал крайне ограниченным словарным запасом (напр., всего 600 лексических единиц в словаре советских хиппи [Кравченко 2004]). У англичан и американцев сленг, напротив, выражен сильнее, чем в большинстве языков мира [Wildhagen 1929: 313]. После начала перестройки и особенно 1991 года можно наблюдать радикальное расширение и сферы употребления, и словарного запаса русского сленга, что, например, с точки зрения И.Стернина, является признаком формирования национального русского сленга по американскому образцу [Eckert, Sternin 2004: 64]. Т.Бек называет этот процесс «жаргонизацией всей страны» [цит. по: Walter, Mokienko 2001: 6]⁷⁴, а Я.Денисов видит в

⁷² Среди других функций мата называют сохранение ритмики и языковую психотерапию: [Колесов 2001].

⁷³ Мужчины используют сленг из-за *covert prestige*, т.е. скрытого престижа: [Coates 1986: 73].

⁷⁴ Ср. Жаргонизация русского языка как признак демократизации: [Walter 2003: 52].

нём самый радикальный симптом национальной катастрофы русского языка [Walter, Mokienko 2001: 7].

4.14. Зачастую можно встретить источники, где женскому гендерлекту приписывают некоторый консерватизм, т.е. избегание неологизмов, индивидуализмов, метафор собственного авторства и т.п. [Болтенко 2002а; Гвоздева 2004; Маслова 2001: 129; Мечковская 2000: 145; Осинская]⁷⁵. Впрочем, в этом отношении гендерологи не столь единодушны, как в предыдущих пунктах, поэтому иногда попадаются источники, утверждающие, что именно женщины предпочитают вводить неологизмы, неосемантизмы и прочие новшества, особенно если они таким образом могут повысить свой статус [Coates 1986: 148-149; Postl 1991: 46]⁷⁶. Тем не менее первая группа явно больше, потому мы будем здесь исходить из того, что определённый лингвистический консерватизм женщинам всё-таки присущ. Эта же черта была характерна до недавнего времени и для русского языка по сравнению с английским, но, похоже, теперь и она отстывает в прошлое [Fink et al. 2000: 56; Цветкова 1997: 164]⁷⁷. В частности, русский по сравнению с другими индоевропейскими языками сильно «отстал» на пути аналитизации [Брызгунова 2004: 12] (или же лучше сохранил свои корни, если поменять оценку этого явления с минуса на плюс), но теперь навстречу упущенное путём активного расширения сферы употребления аналитических сложных слов (напр., *бизнес-клуб*, *интернет-дискурс*) [Николаев 2000, ср. Складаревская 2001, Рощина 2004: 158-159, Ферм 1994: 51], увеличения числа неассимилированных иностранных слов, не поддающихся склонению (*mp3*, *DVD*) [Рю 1997: 168, 172-173, ср. Валгина 2001], распространения биаспектуальных глаголов [Ohneiser 2000: 93] и т.д.

В связи с темой консерватизма можно упомянуть ещё один аспект кросс-культурного лингвистического анализа, активно обсуждаемый в последние годы в среде этнолингвистов и культурологов, а именно безличные конструкции (рус. *мне думается*, нем. *es fällt mir nichts ein*, фр. *Il me semble*, ит. *Mi piace*). Не совсем ясно, склонны ли женщины к употреблению подобных конструкций (есть результаты исследований и подтверждающие⁷⁸, и опровергающие [Savicki et al. 1996; Грошев 1996: 54] это предположение), но, похоже, никто не сомневается, что в русском языке они встречаются чаще, чем в остальных языках индоевропейского происхождения [Захарова 2003; Карасик 2004: 99, 172-173; Омельченко 2000: 38-

⁷⁵ Подтверждено не окончательно: [Кирилина 2004: 45].

⁷⁶ Неосемантизмы, неологизмы: [Земская et al. 1993: 99].

⁷⁷ Склонность к архаизмам: [Трестерова 1999: 179]. В коллективистских обществах «Innovativität und Veränderungen sind nicht institutionell vorgesehen»: [Wienges 2003: 13]. Коллективисты консервативны и с подозрением относятся ко всему новому: [Ивин 2000: 79]. Больше традиционализма в Восточной Европе, чем в Западной: [Gulyanska 2005: 39]. Русский язык консервативнее английского: [Еремеев 2002]. Консерватизм русского исчезает: [«Журналистов надо учить и учить!» 2000]. Стремление к инновациям в английском – следствие индивидуализма: [Wildhagen 1929: 314].

⁷⁸ В женских письмах: [Гриценко 2003].

39; Опарина 1999; Троицкая, Шумилов 1999]⁷⁹. Отдельные западные этнолингвисты видят в этой особенности русского языка выражение фатализма и пассивного отношения к жизни⁸⁰. Характерно, что русский язык является не единственным синтетическим языком, что и в других языках можно найти самые разнообразные конструкции, в т.ч. и безличные, но никто не заостряет на них внимания и не пытается политизировать данный вопрос. Обычно авторы, пишущие на эту тему, не упоминают, что количество конструкций такого рода напрямую связано со степенью аналитизма (чем больше аналитизма, тем меньше безличных конструкций), а потому неудивительно, что в русском, как в языке с хорошо сохранившимися синтетическими чертами, остались и многочисленные безличные конструкции, унаследованные им ещё из индоевропейского праязыка [Аракин 2005: 162; Зарецкий 2008]. Это позволяет рассматривать их как одно из проявлений лингвистического консерватизма, вовсе не обязательно связанного с мифическим русским пассивизмом. Вопрос происхождения и развития имперсонала в русском языке уже был рассмотрен нами в одной из предыдущих работ, в т.ч. в культурологическом плане [Зарецкий 2008].

А.Кирилина видит в многочисленности безличных конструкций женскую сущность русского языка [Берия 2005]⁸¹.

4.15. Среди типичных отличительных характеристик женского гендерлекта имеется и склонность к эвфемизмам [Болтенко 2002а; Земская et al. 1993: 99; Кирилина 2004: 69; Маслова 2001: 129; Мечковская 2000: 146]. К сожалению, в данном случае прямое сравнение английского с русским не принесло однозначного результата: в литературе можно найти мнения, что русские более склонны или были до недавнего времени более склонны к употреблению эвфемизмов [Вавилова 2004: 355; Ферм 1994: 107]⁸² (очевидно, из-за принадлежности к коллективистским культурам, которые вообще предпочитают избегать конфликтов [Колесов 2001, ср. Casper-Hehne 1999: 80, Gudykunst 1989: 178]), или что русские как раз избегают эвфемизмов из-за своей прямоты [Rivlina 2005: 479; Стернин 2005b: 334]⁸³.

4.16. Как женщинам [Braun 1998: 62; Gougeon 2002; Smith 1989: 161; Tannen 1995: 33], так и русским [Бацевич 2002; Березович 1999; Игнатьева

⁷⁹ Безличные предложения, возвратные глаголы: [Стефаненко 2004:]. Детальный анализ безличных конструкций по сравнению с английским: [Wierzbicka 1992: 413-433]. Личные местоимения в качестве подлежащего по сравнению с немецким и английским: [Зеленецкий 2004: 216-217].

⁸⁰ Напр., [Wierzbicka 1992: 413].

⁸¹ «В аспекте гендерной метафоры могут быть рассмотрены характерологические особенности языка. Так, некоторые особенности русского языка (развитая система морфологических средств для выражения эмоций, значительное число неагентивных конструкций и т.д.) соотносимы с метафорой женственности и с необходимостью должны учитываться при анализе аспектов языка» [ср. Болтенко 2002].

⁸² Исчезновение эвфемизмов из описания отношений полов: [Крысин 2000: 385].

⁸³ Из-за английской вежливости: [Омельченко 2000: 39].

2000: 27; Стеблецова 2004: 92]⁸⁴ зачастую приписывают склонность к самоуничижению. Хотя эта особенность русского менталитета зачастую представляется в негативном свете, на самом деле речь идёт скорее о ритуале, служащем для укрепления отношений и взаимоподдержки. Если один из участников диалога наговаривает сам на себя, второй участник обычно тут же выдвигает аргументы, что он и сам не лучше, что со всеми бывает, что всё не так плохо и т.д. По понятным причинам многие западные авторы видеть этого аспекта данной практики не желают, т.к. значительно проще списать особенности русского культурного пространства на счёт врождённой русской покорности, рабского менталитета и мазохизма. Достаточно прочесть столь заангажированные работы, как D.Rancour-Laferriere, *The Slave Soul of Russia. Moral Masochism and the Cult of Suffering* (New York, 1995), чтобы убедиться, что в этом отношении ничего не изменилось и после окончания холодной войны. Также не желают некоторые авторы видеть и самохвальства, распространённого как в индивидуалистических, так и в маскулинных культурах [Стеблецова 2004: 92]⁸⁵ (и, соответственно, сопоставимого с особенностями мужского гендерлекта [Bernard 1998; Gougeon 2002; Mediacom 2005; Savicki et al. 1996; Tannen 1995: 160; Yaguchi et al. 2004]), т.е. во всех коммуникативных культурах Запада без исключения, поскольку коллективистские культуры с ярко выраженной фемининностью там отсутствуют (по подсчётам Г.Хофстеде [Wienges 2003: 144]).

Самоуничижение является ещё одним примером того, что разграничить м/ф и к/и обычно не представляется возможным. В Китае, где, согласно подсчётам Г.Хофстеде, чрезвычайно развит коллективизм⁸⁶, широко распространено и ритуальное понижение своего статуса (согласно опросам китайских инженеров и контактировавших с китайцами немецких сотрудников [Xiufang 1994]). Выражается оно в том, что китайцы постоянно ругают самих себя и улыбаются или смеются из скромности. С другой стороны, китайцы не пытаются унижить своего собеседника прямой критикой,

⁸⁴ Самоуничижение, самокритика русских и самохвальство американцев: [Леонтович 2005: 165, 188-189]. «Humiliativtendenzen» в коллективизме: [Kainz 1965: 324]. Опрос: русские, американцы, финны: [Турунен, Харченкова 2000].

⁸⁵ «Self-glorification» – универсальный признак индивидуализма: [Triandis 1990: 47]. Скромная самопрезентация русских: [Стернин 2005b: 333]. В фемининных культурах меньше «assertive behavior and attempts at excelling», «excellence is something one keeps to oneself»; «Respondents in masculine countries rated themselves as excellent more often than did equally skilled respondents in feminine cultures»: [Hofstede 2002: 300, 304, 325]. «The tendency to perceive oneself favourably», нереалистичный оптимизм в активистских культурах Запада: [Myers 2002: 58]. «В маскулинных культурах доминирует чрезвычайно самоуверенное поведение, в фемининных, напротив, скромность...» [Casper-Hehne 1999: 80].

⁸⁶ «The Chinese rank lower than any other Asian country in the Individualism (IDV) ranking, at 20 compared to an average of 24. This may be attributed, in part, to the high level of emphasis on a Collectivist society by the Communist rule, as compared to one of Individualism» [Hofstede 2003].

столь распространённой у немцев (коллективистский культурный скрипт «необходимо сберечь лицо собеседника») [Casper-Hehne 1999: 88].

4.17. Несколько не вписываются в общую картину следующие факты. В англоязычном мире⁸⁷, как и в женском гендерлекте [Falger 2001: 34; Gougeon 2002; Tannen 1995: 69], более принято делать комплименты (очевидно, с той же целью, с какой применяется «коммерческая вежливость» вообще); а в русской речи значительно чаще встречаются приказы⁸⁸, которые для женщин несвойственны [Falger 2001: 34; Myers 2002: 183; Tannen 1995: 38; Земская et al. 1993: 93; Леонтович 2005: 195]. Во втором случае, скорее всего, речь идёт о ещё одном измерении межкультурного анализа, который Г.Хофстеде называет *power distance*⁸⁹; описание его не входит в задачи данной работы.

Согласно В.Колесову, американизация русского языка выражается, среди прочего, и в увеличении темпа речи [Колесов 2001], из чего можно сделать вывод, что американцы говорят быстрее русских. Поскольку женщины обычно говорят быстрее мужчин [Falger 2001: 47; Потапов 2000]⁹⁰, это противоречит тезису о выражении фемининности русской культуры в виде особенностей женского гендерлекта. С другой стороны, темп речи в русском рос в последние десятилетия и без влияния США⁹¹, что, возможно, обусловлено таким внешним фактором, как ускорение темпа жизни, и никак не связано с маскулинностью и фемининностью.

4.18. Склонность к шуткам, остротам, любым проявлениям чувства юмора в речи чаще приписывают мужчинам [Falger 2001: 34; Postl 1991: 47; Горошко 2001], особенно если речь идёт об иронии и сарказме [Bernard 1998; Savicki et al. 1996; Кирилина, Томская 2005]. Что касается кросс-культурных сравнений такого плана, их результаты обычно противоречивы, поскольку речь идёт о слишком субъективных понятиях, с трудом поддающихся выражению в конкретных цифрах. Поэтому можно найти ис-

⁸⁷ Больше комплиментов и похвал в английской коммуникации, чем в русской: [Серебрякова 2001]. Больше комплиментов в американской коммуникации: [Стернин 2005b: 332, 334]. Рост числа комплиментов в русской коммуникации ради личной выгоды после 1991 г. – признак американизации: [Игнатъева 2000: 22-23, 33].

⁸⁸ Больше приказов и требований в русском из-за коллективизма: [Леонтович 2005: 180]. Больше приказов, более грубые формы по сравнению с английским из-за коллективизма: [Еремеев 2002]. «On average imperative is used in Russian 19 times more often in comparison with English...» [Larina 2005]. Больше императивных форм в славянских языках, в т.ч. в русском, чем в английском; больше *whimperatives*, т.е. *would you, could you, can you* и т.п. в английском; культурологическое объяснение: «non-imposition based on individual rights» у англосаксов: [Wierzbicka 2003: 30, 77]. Автор связывает смягчённые формы требований и избегание приказов в английском с индивидуализмом: [Deutschbein 1928: 47-48].

⁸⁹ Ср. В странах с большой дистанцией от власти (*power distance*) приказы применяются чаще, чем в странах с небольшой дистанцией от власти: [Casper-Hehne 1999: 80].

⁹⁰ Быстрая речь – признак эмоциональности, в т.ч. на национальном уровне, как в романских языках: [Langenmaug 1997: 321].

⁹¹ Темп разговорной речи удвоился за последние 40 лет: [Афанасьева 1999: 119]. Увеличение темпа речи в телерадиовещании: [Eckert, Sternin 2004: 13].

точники, где большее чувство юмора (на языковом уровне) приписывается и русским⁹², и англичанам/американцам⁹³. Что касается иронии и сарказма, то их чаще приписывают западным языкам, чем русскому (отсюда их распространение в СМИ и повседневной коммуникации после 1991 года)⁹⁴, хотя встречаются и исключения⁹⁵.

Если исходить из того, что русские действительно несколько склонны думать и действовать иррационально (хотя скорее речь идёт о стереотипе), можно было бы связать это с популярной в России «эстетикой абсурдного», проявляющейся, среди прочего, в иррациональном, труднопереводимом юморе [Eckert, Sternin 2004: 38; Гудзенко 2003; Елистратов 2001]⁹⁶, напр.: *Хуже водки лучше нет; Если хочешь сил моральных и физических обречь, пейте соков натуральных, укрепляет грудь и плеч.* С другой стороны, исследования, которые подтвердили бы, что подобный юмор особенно нравится женщинам или используется ими особенно часто, нам неизвестны, а интроспекция говорит скорее об обратном.

4.19. Женщины более склонны к применению различных языковых клише, пословиц и прочих лингвистических средств, опирающихся на фоновые знания (исключением являются лишь клише из газет, которые встречаются чаще в речи мужчин) [Земская et al. 1993: 122-123; Колесов 2001]⁹⁷. Таким образом женщины подчёркивают общность с другими участниками коммуникации, создают чувство принадлежности к одной группе и вызывают расположение к себе. Нет никаких оснований полагать, будто женщинам не хватает собственных средств выражения мыслей, что якобы заставляет их прибегать к уже готовым, услышанным когда-то фразеологическим единицам, как утверждали в начале XX-го века некоторые западные учёные. Очень часто ту же склонность к применению уже готовых «кирпичиков» коммуникации приписывают и русским (как представителям коллективистской высококонтекстной культуры)⁹⁸. После 1991 года эта привя-

⁹² О языке политики: [Dunn 1999: 134]. О языке прессы: [Eckert, Sternin 2004: 26]. Распространение чёрного юмора после 1991 г.; больше юмора и иронии в русской фразеологии, чем в английской: [Карасик 2004: 104, 108].

⁹³ Юмор в коммуникации американцев: [Стернин 1996: 105].

⁹⁴ Ирония, сарказм в русском распространены меньше, чем в английском: [Филиппова 2001]. Распространение иронии в политическом дискурсе после 1991 г.: [Eckert, Sternin 2004: 32]. Распространение иронии в СМИ: [Лихачёва 2001]. Распространение иронии и сарказма: [Валгина 2003].

⁹⁵ Больше иронии в русской коммуникации, чем в западной: [Корнилов 2003: 90].

⁹⁶ Общая склонность к интертекстуальности в коллективистских культурах: [Ивин 2000: 345]. Абсурдное во фразеологии; склонность русского «лингвокультурного сознания» к абсурдному: [Карасик 2004: 114, 138]. Юмор и интертекстуальность, в т.ч. по сравнению с США: [Корнилов 2003: 90].

⁹⁷ Мужчины больше склонны к употреблению клише из прессы, женщины – ко всем остальным: [Кирилина 2004: 69].

⁹⁸ Интертекстуальность: [Стеблецова 2004: 91-92]. Больше интертекстуальности из-за высококонтекстной культуры в России: [Владимирова 2003: 189-193]. Интертекстуальность и языковая игра распространяются в России после 1991 г.: [Eckert, Sternin 2004: 18, 34].

занность к контексту даже усиливается [Тер-Минасова 2000: 203, ср. Eckert, Sternin 2004: 38-39, Елистратов 2001], несмотря на маскулинизацию, что, возможно, свидетельствует о том, что в данном случае совпадение между особенностями женского гендерлекта и русского языка является случайным.

4.20. Противоречивы результаты сравнительных исследований по применению глаголов: особую склонность к ним приписывают как женщинам [Кирилина 2004: 66], так и мужчинам [Колесов 2001]⁹⁹; как русским (причём частота их употребления якобы падает в последнее время из-за влияния английского)¹⁰⁰, так и англичанам¹⁰¹. Если сравнить 6000 самых частых лексем из Британского национального корпуса [Kilgarriff 1995] и частотного словаря С.Шарова [Шаров 2002], частота применения глаголов в русском оказывается значительно выше: 1703 глагола в русском и 1230 глаголов в английском. Кроме того, нельзя забывать, что английский язык из-за своей аналитической природы имеет систему высокочастотных вспомогательных глаголов, отсутствующих в русском. Как бы то ни было, прямое сравнение русского языка с английским в данном случае не представляется возможным уже потому, что данные гендерных исследований противоречивы.

Что касается транзитивных глаголов, которые женщины используют реже [Кирилина 2004: 69], прямое сравнение русского с английским невозможно и здесь из-за расплывчатости границ между переходными и непереходными глаголами в английском языке [Аполлова 1977: 48; Мухин 2000], особенно его американском варианте [Carstensen, Galinsky 1975: 27, ср. Glahn 2002: 57]. Кроме того, аналитические языки вообще более склонны к применению переходных глаголов.

Сравнительно частое использование глаголов в русском по сравнению с английским обуславливает сравнительно редкое применение существительных: если в Британском национальном корпусе на 6000 самых частых лексем приходится 3094 существительных, то в частотном словаре Шарова лишь 2668 (причём число существительных в последнее время якобы растёт за счёт номинализаций [Белянин 2001]). Сравнение с гендерлектами невозможно и в этом случае, поскольку в разных источниках особую склонность к применению существительных приписывают и женщинам [Осиновская], и мужчинам [Денисова 2003]¹⁰².

Не принесло результатов прямое сравнение частотности употребления прилагательных. Во-первых, в английском широко распространены так называемые *attributive nouns*, употребляемые в качестве прилагательных,

⁹⁹ Только для русского, не для английского: [Гвоздева 2004].

¹⁰⁰ Количество номинализаций растёт в последнее время под влиянием европейских языков: [Степанов 2001: 906]. Большое число глаголов как особенность русского языка: [Узилевский, Минакова 2001]. Количество глаголов в текстах уменьшается ещё со времён древнерусского: [Kempgen 1995: 37].

¹⁰¹ Более активное применение глаголов в английском: [Бреус 1998; Казакова 2001: 159-160].

¹⁰² Русский, английский: [Гвоздева 2004].

но не относящиеся к таковым (*stone wall*); во-вторых, особую склонность к применению прилагательных приписывают в разных источниках как женщинам [Берия 2005; Маслова 2001: 128-131], так и мужчинам [Денисова 2003]. Среди 6000 самых частых лексем Британского национального корпуса встречается 1055 прилагательных, среди того же количества лексем из частотного словаря Шарова всего 932.

Что касается наречий, то их число практически одинаково: 412 на 6000 лексем в английском и 433 в русском, но и в этом случае особую склонность к употреблению данной части речи приписывают и женщинам [Маслова 2001: 129]¹⁰³, и мужчинам¹⁰⁴, что делает сравнение с гендерлектами невозможным. Кроме того, само определение наречия в русском и английском сильно разнится.

В целом сопоставления частотности частей речи представляются нам слишком недифференцированными, поскольку не только на части речи, но и на более мелкие подгруппы лексем, объединённых по какому-либо грамматическому или семантическому признаку, помимо культурологических факторов типа ф/м оказывает влияние необозримое число прочих переменных от исторических до социологических.

4.21. Что касается различных языковых средств, смягчающих высказывание (*я думаю, я полагаю, вероятно, не так ли, может быть, я бы хотел, примерно* и т.п.), их употребление обычно приписывается женщинам в связи с их кооперативным стилем общения [Bernard 1998; Eichhoff-Cygas 2004: 197; Yaguchi et al. 2004; Гвоздева 2004; Кирилина, Томская 2005]. Результаты кросс-культурных лингвистических исследований не столь однозначны: если русские авторы практически единогласно утверждают, что такие языковые средства присущи именно русскому языку (что зачастую объясняется коллективизмом) [Треблер 2004: 147; Узилевский, Минакова 2001]¹⁰⁵, то на Западе скорее исходят от обратного, объясняя это русской прямотой и бескомпромиссностью¹⁰⁶.

Возможно, результаты исследований требуют дальнейшей дифференциации по таким группам, как смягчающие высказывание наречия, модальные глаголы (*I would, could, may, might* etc.), разделительные вопросы и т.д. Например, если рассматривать отдельно разделительные вопросы, то окажется, что русские [Богуславская 2002], в отличие от женщин [Bernard

¹⁰³ Русский, английский: [Гвоздева 2004].

¹⁰⁴ Исключение – выражение эмоций: [Кирилина 2004: 66].

¹⁰⁵ Много смягчающих высказывание языковых средств не только в русском, но и в высококонтекстных культурах вообще: [Стефаненко 2004]. Много смягчающих высказывание языковых средств в русском: [Куликова 2004: 69].

¹⁰⁶ Больше «epistemic» verbal expressions в английском, чем в русском: *I suppose, I think, I assume* и т.п.; более частое употребление; больше смягчающих высказывание наречий: *possibly, probably, apparently*: [Wierzbicka 2006: 37, 206, 247]. Ср. «The English language offers for request a set of elaborate models with numerous hedges, modifiers and downtoners... Such formulas do not exist in Russian as Russian speakers never minimize their imposition to such an extent» [Larina 2005].

1998; Eichhoff-Cyrus 2004: 197; Postl 1991: 56; Осиновская], задают их довольно редко – очевидно, ещё одно выражение power distance.

В других фемининных культурах применение смягчающих высказывание языковых средств, похоже, распространено достаточно широко. Например, Э.Нихаус-Лоберг и В.Херлитц установили, что немецкие директивные высказывания кажутся голландцам (т.е. представителям фемининной культуры) слишком прямыми и невежливыми, поскольку сами они используют при необходимости что-то приказать или попросить различные модальные маркеры и не прямой стиль. Немецкие студенты отмечали, что не воспринимали директивные высказывания голландцев как таковые из-за их «чрезмерной» мягкости и иносказательности [Casper-Nehne 1999: 93].

Х.Каспер-Хене связывает активное применение языковых средств, смягчающих высказывание, не с фемининностью, а с большой дистанцией от власти (high power distance) в данной культуре. В качестве примера приводится французский язык, где несогласие выражается непрямо или, как минимум, ему придаётся более мягкая форма (напр., фраза начинается с ‘да, но...’ или извинения, делается многозначительная пауза и т.п.), что коррелирует с большей дистанцией от власти во Франции по сравнению с ФРГ. Немцы, соответственно, формулируют несогласие более прямо и меньше его смягчают [Casper-Nehne 1999: 96]. Данный тезис Х.Каспер-Хене не противоречит предположению, что «шифтеры», «даунтаунеры» и т.д. особенно активно применяются в фемининных культурах, поскольку такие культуры обычно основаны на коллективистской системе ценностей, включающей в себя большую дистанцию от власти.

Возможно, к этому же пункту относится и часто постулируемая склонность женщин [Земская et al. 1993: 121; Колесов 2001; Чучин-Русов 1996]¹⁰⁷ и русских [Стефаненко 2004; Треблер 2004: 147]¹⁰⁸ к общей расплывчатости и незаконченности высказываний, причём в обоих случаях авторы единодушны – достаточно редкое явление и в гендерологии, и в этнолингвистике. Несколько не вписывается в общую картину работа Дж.Хокинса, который при сравнительной характеристике английского и немецкого на чисто языковом уровне (т.е. без примеси этнолингвистики и культурологии) постоянно подчёркивает, что в немецком языке из-за более выраженного синтетизма высказывания менее расплывчаты, чем в

¹⁰⁷ Смягчение высказываний, расплывчатость тем: [Lakoff 1979: 67]. Намёки, выражения *очевидно, по-моему, может быть* vs. *явно, наверняка* и т.д. у мужчин; точность выражения у мужчин, больше терминов из их профессии: [Кирилина 2004: 49, 69, 71].

¹⁰⁸ Более 60 неопределённых местоимений типа *некто, кое-где* в русском: [Арутюнова 1999: 794, 814-815]. Большая чёткость высказываний в английском из-за артиклей, большего числа времён и т.д.: [Карасик 2001b]. Расплывчатость высказываний в русском из-за синтетического строя языка: [Максименко 2001: 175]. Восточноевропейские страны как высококонтекстные культуры, США как низкоконтекстная культура: [Pethő, Heidrich 2005: 91]. Склонность коллективистских культур к расплывчатости выражений: [Casper-Nehne 1999: 80; Gudykunst 1989: 180; Красных 2002: 225-226].

аналитическом английском¹⁰⁹. Поскольку русский ещё более синтетичен, чем немецкий, следовало бы ожидать, что в русском эта чёткость должна проявляться ещё явственней. Очевидно, чтобы разрешить это противоречие, необходимо разграничить синтаксический и прагматический уровни высказывания: если на синтаксическом уровне возможности русского языка действительно более широки, чем в английском и немецком, то на прагматическом уровне русские используют коммуникативные стратегии (свойственные высококонтекстным культурам), смягчающие высказывание, опирающиеся на фоновые знания, содержащие больше аллюзий, намёков, эллипсов, фразеологических единиц с определёнными, не оговариваемыми дополнительно, но подразумеваемыми коннотациями, и т.д., в результате чего «прагматичные» англосаксы не понимают, о чём идёт речь.

К этому пункту относится и часто постулируемая иносказательность женщин, их склонность к непрямым высказываниям и способность обходить или сглаживать конфликтные темы [Falger 2001: 59; Samel 2000: 161; Земская et al. 1993: 134; Леонтович 2005: 196]. Результаты межкультурных сравнений такого плана часто оказывались столь ненадёжными, что, например, А.Вежбицкая предлагает вообще отказаться от сопоставления языков по принципу иносказательности [Wierzbicka 2003: 88]. Русскому и здесь приписывают то более сильную [Зарецкая 2002; Зусман 1997: 187; Стеблецова 2004: 91-92; Кузнецова 2004]¹¹⁰, то более слабую¹¹¹ степень выраженности этого признака по сравнению с английским. Аргументы те же, что и в случае со средствами, смягчающими высказывание: с одной стороны, принадлежность к высококонтекстным/ коллективистским культурам; с другой стороны, прямота и бескомпромиссность.

¹⁰⁹ «...it follows that the more fixed word orders of English are correspondingly more ambiguous (or vague) with the respect to these pragmatic functions. I.e. many pragmatic distinctions which receive their own syntactic encoding in German and Russian etc. do not receive distinctive encoding in English, and one and the same syntactic form of English ranges over pragmatic differences in meaning which can be disambigued in these languages.»; «And now the basic grammatical relations of English have been shown to have a systematically greater semantic range than their German counterparts, with the result that basic intransitive and transitive structures in English are that much more ambiguous.»; «Ambiguities in Raising and Equi structures» im Englischen» – все эти особенности английского объясняются аналитизмом, а точнее, совпадением форм падежей: [Hawkins 1986: 42, 73, 122, 123].

¹¹⁰ «Members of individualist cultures perceive direct requests as the most effective strategies to accomplish their goals...» [Gudykunst, Lee 2002: 30]. «In interpersonal communication English style is indirect in comparison with Russian one...» [Larina 2005]. Прямота американцев: [Леонтович 2005: 31; Полищук 1999: 32; Привалова 2001: 12].

¹¹¹ Расплывчатость высказываний англичан по сравнению со славянами: [Langenmaug 1997: 313]. Растущая прямота высказываний с точки зрения опрошенных русских: [Привалова 2002: 7-9]. Прямота в виде «absolute moral judgements»: *дурак, невероятно* и т.п.: [Wierzbicka 1992: 436-440].

4.22. Вежливость, обычно приписываемая женщинам [Eichhoff-Cyrus 2004: 197; Falger 2001: 43; Yaguchi et al. 2004; Берия 2005; Денисова 2003; Кирилина 2004: 49], является одним из наиболее сомнительных критериев межкультурных сравнительных анализов. Слишком большая заидеологизированность, этноцентричность и субъективность авторов, пишущих на эту тему, не позволяет сделать каких-либо окончательных выводов о степени выраженности вежливости в русском и английском языках. Дело осложняется развитостью «коммерческой вежливости» в западном мире, не подразумевающей уважения или положительного отношения к коммуникативному партнёру. Речь идёт не только об известной «дежурной улыбке», но и шаблонных фразах типа ‘Мы рады Вас приветствовать’, ‘Приходите ещё’, ‘Спасибо за покупку’ и прочих приёмах, выдуманных исключительно для максимализации личной выгоды. Кроме того, то, что считается бестактным в одной культуре, совсем не обязательно воспринимается столь же негативно в другой (например, вторжение в личную сферу, физическое или путём расспросов, осуждается на Западе значительно больше, чем в России). Поэтому неудивительно, что без труда можно найти источники, приписывающие особую вежливость как русскому [Kainz 1965: 324; Myers 2002: 45]¹¹², так и английскому языку [Larina 2005; Козлова 2001; Тер-Минасова 2000: 153]¹¹³. Тот факт, что авторов, придерживающихся второго мнения, несколько больше, может объясняться уже упомянутой склонностью русских к самоуничижению, а представителей западной культуры – к самохвальству (или, как они это видят, к позитивной самооценке) и традиционной демонизации России.

Анализ частотных словарей показывает, что слова *пожалуйста* и *спасибо* употребляются в русском чаще, чем в английском, причём после 1991 года русские действительно начали «нагонять» англосаксов и в этом отношении (ср. Приложение 1). С другой стороны, глагол *благодарить* чаще встречается в английском, чем в русском.

¹¹² В славянских языках вежливость выражена больше, чем в западных: [Мечковская 2000: 66]. В коллективистских культурах общение обычно вежливее, чем в индивидуалистических: [Gudykunst, Lee 2002: 43; Triandis 1990: 60, 68]. «Russian communication style is characterized by more markers of respect than in most Western countries» [Svennevig, Isaksson 2006]. Бестактность американцев по сравнению с русскими; вежливость англичан vs. агрессивность американцев: [Леонтович 2005: 191, 278]. Из-за *you vs. ты* и *Вы*: [Зеленецкий 2004: 170-171].

¹¹³ Больше вежливости у англичан; русские менее вежливы с детьми и незнакомыми мужчинами, более – со знакомыми: [Стернин 2005b: 332, 333]. Исследование проведено *Reader's Digest* в 36 городах мира, 2006: Москва оказалось на тридцатом месте, т.е. среди самых невежливых; самыми вежливыми оказались жители Нью-Йорка: [«Москва попала в десятку самых невежливых городов мира» 2006]. Вмешательство в личную жизнь и желание помочь другим зачастую воспринимается на Западе как проявление латентной агрессии: [Полежаев 2003: 42-43]. Возникающая из-за *privacy* отчуждённость англосаксов воспринимается зачастую как вежливость: [Туманова 2003]. Субъективное мнение русских по двум опросам; мнение самого автора: [Карасик 2004: 96-97, 102]. Больше такта у англичан: [Карасик 2001a].

4.23. На материале русского языка было установлено, что женщины более склонны к употреблению множественного отрицания [Гвоздева 2004; Денисова 2003]¹¹⁴ – очевидно, это ещё один способ выражения эмоциональности. Полноценное сравнение с английским в данном случае не представляется возможным из-за неграмматичности множественных отрицаний в английском языке. Тем не менее ради полноты данных в следующей таблице приведены соответствующие цифры по словарям 6000 самых частых лексем русского и английского языков.

Таблица 1. Употребление лексем отрицания в русском и английском языках.

Лексема	<i>The frequency dictionary for Russian</i> [Шапов 2002]	<i>British National Corpus</i> [Kilgarriff 1995]
<i>не</i>	3	21 (<i>not</i>)
<i>нет</i>	58	74 (<i>no</i> : DET), 388 (<i>no</i> : ADV)
<i>никогда</i>	209	170 (<i>never</i>)
<i>никто</i>	133	1540 (<i>nobody</i>), 1112 (<i>no-one</i>), 1198 (<i>none</i>)
<i>нигде</i>	2232	3129 (<i>nowhere</i>)
<i>ничто</i>	84	277 (<i>nothing</i>)
<i>ни</i>	60	1798 (<i>neither</i>), 822 (<i>nor</i>)

Из таблицы очевидно более частое применение отрицания в русском языке, что, однако, и ожидалось из-за неграмматичности множественного отрицания в английском.

А.Вежбицкая приводит в одной из своих работ целый ряд конструкций с отрицанием (типа *Не бывает этому*), не имеющих эквивалента в английском. Поскольку влияния языковой типологии по непонятной причине не рассматривалось, Вежбицкая сочла существование таких конструкций одним из выражений русского фатализма [Wierzbicka 1992: 108-116, 416-418].

4.24. Известная американская лингвистка Р.Лакофф сравнивает в одной из своих работ английский и немецкий языки с мужским гендерлектом и называет при этом следующие их черты (причём подчёркивается, что их применение всячески поощряется в западной культуре): «silent type – he just says just as much as necessary to get information across, and is somehow withdrawn into himself, almost reclusive», «his contribution is incisive, precise, and to the point – utterly straightforward – and tells us as little as possible about the speaker’s state of mind and his attitude toward the addressee», «a low pitch, flat intonation, declarative rather than interrogative sentence structure, no hedging or imprecision, and lexical items chosen for their pure cognitive content, not their emotional coloration», «if such a person shows emotion, it will be anger rather than tenderness or grief», «anger is expressed, ideally, not by raising the loudness or pitch of the voice, but by becoming even more precise, softspoken, withdrawn» [Lakoff 1979: 65-66]. Для мужчин, с её точки зрения, прежде

¹¹⁴ Множественное отрицание в русском у женщин: [Кирилина 2004: 69].

всего важно донести информацию в ясной, доступной форме, без пафоса, эллипсов, намёков, т.е. без всего лишнего (очевидно, результат принадлежности к низкоконтекстной культуре). На её шкале «Clarity (least relationship between participants) – Distance – Deference – Camaraderie (most relationship between participants)», где «the continuum represents, from left to right, an increasing awareness of the addressee's presence as explicitly manifested by the speaker» [Lakoff 1979: 62-63], русских и женщин можно было бы расположить справа, а немцев, американцев и мужчин слева. Любопытна сама формулировка Лакоффа – «растущее осознание присутствия адресата», – подчёркивающая монологичность западного коммуникативного стиля.

4.25. Одной из излюбленных тем этнолингвистов и культурологов является пассивизм и фатализм русской культуры. Признаки его видят буквально во всём, будь то (практически вышедшее из употребления) слово *авось*¹¹⁵, пословицы типа *Что ни делается, всё к лучшему* (согласно одному опросу в Санкт-Петербурге в 2000 г., в правдивость этой пословицы верят 84% опрошенных, что с точки зрения З.Сикевич свидетельствует об оптимистическом фатализме русских) [Сикевич 2004], высокая частотность слов *вдруг* [Арутюнова 1999: 862], *как-то, случаться, невероятно, странно, получаться* и т.п. [Viktorova 2005], различные частицы [Чернышева 2004] или безличные конструкции («Seen from a Western perspective, Russian grammar is quite unusually rich in constructions referring to things that happen to people against their will or irrespective of their will. Some of these constructions reflect, more specifically, a folk philosophy at the heart of which appear to lie a kind of 'fatalism' and a kind of resignation» [Wierzbicka 1992: 108]), которые С.Берия связывает с фемининностью русского языка¹¹⁶. Особое место отводится слову *судьба*:

«*Sud'ba* is a key concept in Russian culture. It has no equivalent in English – neither a linguistic equivalent nor a cultural one. Dictionaries usually offer *fate* as the closest English word, but actually the meaning of *fate* differs considerably from that of *sud'ba*.» [Wierzbicka 1992: 66-67].

«Even though the Russian term *sud'ba* is customarily rendered into English as 'fate', these are two basically different concepts. *Sud'ba* does not contain within itself chance, coincidence, risk, just as 'fate' is not connected with the meaning to 'judge', to 'judge beforehand'. 'Fate', even that which is

¹¹⁵ «Жизненная стратегия русского прекрасно иллюстрируется словом “авось”, в котором отражено восприятие жизни как процесса непредсказуемого и неконтролируемого: все, что остаётся, это положиться на удачу, избегая глубокого вмешательства в ход вещей. Подобное упование на Бога, изначальное доверие к миру находит выражение в фатализме...» [Рябов 2000].

¹¹⁶ Выраженная в русском языке «неагентивность» – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица стремящегося к своей цели и пытающегося достичь ее; как контролера событий» [Берия 2005].

personified and situated beyond the subject, leaves to the subject its own peculiar 'free will'; it can, for example 'be either provoked or not, or it can be opposed, whereas *sud'ba* does not take this kind of 'will' into consideration: one must subordinate himself to it, accept it with humility – *pokorit'sya*. It is here, in the relation to 'free will' towards *sud'ba/ fate* – that lies among others, the basic difference in attitudes of Orthodoxy and Catholicism, the Russian attitude and the Western attitude. Even more, *sud'ba* is as if pre-established, it embraces the whole of human life, and therefore it can be interpreted as (in a general outline) a fixed way of life. Being understood as a 'divine providence' it contains in itself a 'higher meaning', it becomes the 'experience of man', and consequently leads to the justification and acceptance both of all kinds of misfortunes (including historical calamities) as well as acts (compare a proverbial sympathy of the Russian people for criminals and convicts). On the other hand, the attempt to change one's fate is looked upon not too favourably» [Farino, цит. по: Карасик 2004].

Один из типичных разборов понятия *судьба* можно найти у А.Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 66-75, 96-97, 103-116]. Небольшой разбор культурных стереотипов и ошибок, связанных с подобными толкованиями, дан нами в другой работе [Зарецкий 2008]. Хотелось бы также обратить особое внимание на тот факт, что в советские времена активная борьба против фатализма и пассивного отношения к жизни велась даже на лексикографическом уровне (т.е. в словарных дефинициях)¹¹⁷. Напротив, в постсоветское время, после отказа от независимого пути цивилизационного развития, навязывание пассивного отношения к жизни, «борьба» максимум молитвой против деструктивных решений новой власти, смирение с волей этой власти, которая вновь ассоциируется с божьей, опять вошли в норму общественной жизни и нисколько не порицаются культурологами. Не ставится под вопрос и более чем сомнительный «активизм» католицизма, якобы представляющий противоположный полюс православного фатализма (см. цитату Фарино, приведённую у В.Карасика выше).

Характерно, что, хотя обычно этнолингвисты уделяют большое внимание длине синонимического ряда, если хотят доказать важность определённого концепта для данной культуры, в данном случае полностью игнорируется тот факт, что понятие предопределённости судьбы выражено значительно ярче как раз в английском языке (*foreordination, predesigna-*

¹¹⁷ Напр., «Термин “Провиденциализм” употребляют и в более широком смысле – применительно к концепциям, в к-рых любые изменения (не только в истории, но в мире вообще) рассматриваются в связи с определяющей их “волей провидения”. Научная несостоятельность П., как и идеалистического подхода к истории в целом, доказана историческим материализмом»; «Исторически фатализм играл в целом реакционную роль. С одной стороны, понимание судьбы как данного свыше “расписания” жизни человека развивало пассивность, рабское подчинение обстоятельствам. С др. стороны, уверенность во всемогуществе высшей воли, ведущей “избранных судьбы” к неизбежной победе и господству, обуславливала религиозный фанатизм» [Розенталь 1972: 331, 429]. Ср. [Wierzbicka 1992: 188-189].

tion, predestination, predetermination, preordination), что можно было бы при желании интерпретировать, как признак пассивизма и фатализма англосаксонской культуры (тем более что в научной литературе ярко выраженный фатализм зачастую ассоциируют с протестантизмом¹¹⁸, т.е. основой основ индивидуализма в его современном виде). Кроме того, пассив, зачастую ассоциируемый в этнолингвистической литературе с пассивным отношением к жизни [ср. Braun 1998: 141; Deutschbein 1928: 65], употребляется в женском гендерлекте [Tannen 1995: 185-186; Гвоздева 2004; Кирилина 2004: 69; Маслова 2001: 129], в немецком [Зеленецкий, Монахов 1983: 140] и английском языке [Аполлова 1977: 19; Клименко 1999; Комиссаров 1990: 155; Мельник 2001; Некрасова 1999; Рецкер 1981: 26; Швачко et al. 1977: 101] чаще, чем в русском. Однако факты эти вообще не комментируются.

Хотя женщинам традиционно приписывается скорее пассивная роль в обществе, частоту перечисленных выше языковых средств в их речи, очевидно, пока никто не измерял (кроме страдательного залога), поэтому связывать высокую частотность слов типа *судьба* и *случаться* в русском языке с особенностями женского гендерлекта не представляется возможным. Маскулинизация в этом отношении могла бы выражаться в деактуализации выражающих пассивность слов в русском языке. Кроме того, отдельные авторы ожидают заимствование американской философии успеха и позитивного мышления в русскую культуру через англицизмы [Pfandl 2004: 134; Перловский 2003]. Насколько успешно идёт этот процесс, можно проследить в Приложении 1: большинство слов, связываемых в этнолингвистике с пассивным отношением к жизни, стало применяться после 1991 г. чаще, чем раньше.

Не исключено, что сама пассивность женщин по сравнению с мужчинами является очередным ложным гендерным стереотипом: «Зарубежные авторы, тщательно проанализировав исследования о степени активности мальчиков и девочек, их стремлении к достижению цели и доминантности, также отрицают наличие психологических различий в этих сферах, утверждая, что девочки не менее активны в своей деятельности, чем мальчики, но сферы их активности могут отличаться» [Котлова, Рябова 2001].

4.26. О.Рябов видит черты фемининности в таком ключевом русском понятии, как *душа*:

«Наконец, следствием преобладания природного над культурным считается доминирование у русских эмоциональной сферы над рациональной. Сам термин “душа”, который так любят использовать для спецификации русского ментального склада, маркируется как фемининное – в отличие от маскулинного западного “духа”. Душа более телесна, чем дух, связана с материальным, с сердцем, со сферой эмоциональной, а не рациональной, с нравственностью, а не интеллектом» [Рябов 2000].

¹¹⁸ «Представление о судьбе как божественном предопределении присуще всем совр. религиям. В протестантизме оно носит ярко выраженный фаталистический характер» [Розенталь 1972: 400].

Чрезвычайную важность концепта *душа* для русской культуры (по сравнению с англо-американской) отмечает и А.Вежбицкая:

«The word *duša* (roughly, 'soul') is – alongside *sud'ba* (roughly, 'fate/ destiny') and *toska* ('a painful feeling') – one of the leitmotifs of Russian literature and Russian conversation. Its range of use is extremely wide and its frequency extremely high. (...) The high frequency and the wide scope of use of the Russian *duša* distinguish it not only from the English *soul* but also from the French *âme* and from German *Seele*. In fact, one could probably arrange European languages on a scale, with Russian and English at the opposite ends and with French and German in between. (...) In other words, in the English corpus [Henry Kučera, Francis Nelson, *Computational analysis of present-day American English* (Providence, 1967)] there is roughly speaking 1 occurrence of *soul* to 4 occurrences of *body*, whereas in the Russian corpus [Засорина 1977] there are as many as 6 occurrences of *duša* (that is, 6 times more) to 4 occurrences of *тело*» [Wierzbicka 1992: 31, 33-34].

Тем не менее однозначно связывать концепт *душа* с фемининностью кажется нам преждевременным, тем более что после 1991 г. частотность его употребления увеличилась, несмотря на маскулинизацию русской культуры (см. Приложение 1).

Ещё одним понятием, которое можно было бы связать с фемининностью, является *тоска*:

«*Toska* is one of the key words in Russian culture. More than that, it is a word that can be seen as a key to the 'Russian soul'. (...) In fact, Russians seem to refer to their *toska* more often than speakers of English refer to any emotion whatsoever. This impression is confirmed by the data from the available 'megacorpora' of English and Russian speech. Thus, in Kučera and Francis' (1967) corpus of one million words of running text, the closest equivalents of *toska* show the following frequencies: *melancholy* – 9, *yearning* – 14, *longing* – 12, *boredom* – 11. The corresponding frequency for *toska* (Zasorina 1977) is 53, and if we also include the verb *toskovat'*, then it is 69» [Wierzbicka 1992: 169-170].

«Русские концепты грусти, печали, тоски по сравнению с их немецкими эквивалентами мыслятся русским языковым сознанием многочисленными образами, располагают значительно более широкой ассоциативной направленностью [по материалам сопоставительного анализа русских и немецких словарей].

Анализ лексикографического материала подтверждает суждение В.П.Нерознака о том, что концепты “грусть-тоска”, “тоска-печаль”, “тоска-кручина” национально маркированы. Данные культурные эмоциональные концепты могут быть транслируемы в другой язык, в другую культуру *только* описательными средствами.

Культурологически важным является, по нашему мнению, указание в русскоязычном материале на такие каузаторы рассматриваемых эмоций, как “грусть о доме, о родных; тоска по родине”, не представлен-

ных в немецких словарных статьях. Концепты “дом”, “родные”, “родина”, как известно, в высшей степени ценностны для русского этноса» [Красавский 2001: 117].

Однако и в этом случае увеличившаяся после 1991 г. частотность не даёт приписать популярность этого понятия влиянию фемининности.

4.27. Чтобы проверить некоторые гипотезы о выражении фемининности в русском языке и его маскулинизации после 1991 г., можно кратко взглянуть на некоторые особенности австралийского варианта английского, которому А.Вежбицкая приписывает особую «мужественность». Его отличительными чертами она считает многочисленные сокращения на согласный (особенно это касается личных имён: *Deb(orah)*, *Ez (Ellen)*), вульгаризмы и прочие выражения «крутизны» («coolness»), к которым Вежбицкая относит склонность к употреблению выражений типа *no worries*, *no prob(lem)s*, *no troubles*, *no hassles*, «суперэгалитаризм» (обращение по имени даже к малознакомым людям), нелюбовь к формальностям и уменьшительно-ласкательным формам на *y/-ie* [Wierzbicka 1992: 375, 378-379, 383, 388]. Всё это вошло после распада СССР и в русский язык или распространилось в нём из маргинальных форм субстандарта, кроме падения частоты использования диминутивных суффиксов.

4.28. Можно предположить, что в языках маскулинных культур лексемы, относящиеся к мужчинам, употребляются чаще лексем, относящихся к женщинам. Это подтверждается на материале немецкого языка (согласно *Частотному словарю разговорного языка* А.Руоффа): *Mann* ‘мужчина’ > *Frau* ‘женщина’, *Vater* ‘отец’ > *Mutter* ‘мать’, *Bruder* ‘брат’ > *Schwester* ‘сестра’, *Großvater* ‘дедушка’ > *Großmutter* ‘бабушка’, *Ehemann* ‘муж’ и *Ehefrau* ‘жена’ отсутствуют, *männlich* ‘мужской’ > *weiblich* ‘женский’, *Junge* ‘мальчик, парень’ > *Mädchen* ‘девочка, девушка’, *Sohn* ‘сын’ > *Tochter* ‘дочь’, *Onkel* ‘дядя’ > *Tante* ‘тётя’; единственное исключение: *Oma* ‘бабушка’ > *Opa* ‘дедушка’ [Ruoff 1990]. В русском значительно чаще доминируют понятия, относящиеся к женщинам (см. Приложение 1): *женщина* > *мужчина*, *мама* > *папа*, *девушка* > *юноша*, *женский* > *мужской*, *бабушка* > *дедушка*; но: *мальчик* > *девочка*, *сын* > *дочь*, *брат* > *сестра*. В английском сравнивать такие понятия достаточно проблематично из-за их чрезмерной многозначности (напр., *woman* ‘женщина’ vs. *man* ‘мужчина, человек’), но некоторые выводы сделать можно: ‘мама’ > ‘папа’, ‘жена’ > ‘муж’, ‘девочка, девушка’ > ‘мальчик, юноша’, но: ‘мужской’ > ‘женский’, ‘дедушка’ > ‘бабушка’, ‘сын’ > ‘дочь’, ‘брат’ > ‘сестра’. Таким образом, в немецком доминируют лексемы, относящиеся к мужчинам, в русском лексемы, относящиеся к женщинам, английский находится где-то посередине, что вполне соответствует приведённым выше данным об уровне маскулинности этих культур. В рамках этой теории трудно, однако, объяснить, почему в русском после 1991 г. (т.е. с началом маскулинизации) наблюдается рост частоты употребления лексем *женщина*, *женский*, *жена* и *дочь*.

Результаты по русскому языку были дополнительно проверены нами на материале одного из частотных словарей русских словоформ¹¹⁹ (везде только формы именительного падежа): *женщина* > *мужчина*, *жена* > *муж*, *мама* > *папа*, *девушка* > *юноша*, *мужской* > *женский*, *бабушка* > *дедушка*, *супруга* > *супруг*, *дядя* > *тётя*, *отец* > *мать* (по частоте практически одинаковы), *мальчик* > *девочка*, *сын* > *дочь*, *брат* > *сестра*, т.е. результаты отличаются от предыдущих незначительно.

Таким образом, более чем в половине случаев особенности русского коммуникативного поведения по сравнению с англо-американским вполне сопоставимы с особенностями коммуникативного поведения женского гендерлекта по сравнению с мужским. Не исключено, что в некоторых пунктах речь идёт о случайных совпадениях. Тем не менее нам представляется возможным сделать вывод, что русский язык действительно отразил в себе черты, ассоциируемые с фемининностью, причём в большинстве случаев были указаны источники, согласно которым те же «фемининные» особенности русского языка объясняются другими авторами такой национальной особенностью русской ментальности, как коллективизм. Поэтому чёткое разграничение дихотомий к/и и ф/м на русском языковом материале невозможно.

Нельзя не отметить искусственность дихотомии ф/м. Эта искусственность выражается уже в значительном совпадении с дихотомией к/и. По сути, трудно найти хотя бы один пункт, который бы приписывался одной дихотомии и не приписывался бы другой. С точки зрения идеологической дихотомия ф/м несёт в себе и значительный деструктивный потенциал, поскольку подразумевает у фемининных культур характеристики типа пассивности, покорности, зависимости, подчинения, т.е. именно те характеристики, которые приписывают западные идеологи тем странам, которые, с их точки зрения, не могут обладать достаточными стимулами развития и процветания без руководства извне. Эта идеологема охотно использовалась и по сей день используется сторонниками внешнего управления России и прочих «фемининных» стран. В частности, немецкая политология столетиями пользовалась стереотипами о «мужественной» Германии, которая должна руководить «женственной» и «пассивной» Россией. Этот стереотип, казалось бы, изжитый после Второй мировой войны, сейчас возвращается в политологические дискуссии из-за той пораженческой политики, которая проводится руководством России с 1985-го года (но которая, следует отметить, остаётся чуждой русскому народу и мотивирует практически непреодолимую дистанцированность власти от народа). Представляется возможным предположить, что дихотомию ф/м можно свести к к/и в сочетании с бóльшим или меньшим гендерным эгалитариз-

¹¹⁹ 162.232 слова, автор неизвестен, создан на материале 447 произведений 43 авторов от Карамзина до Солоухина, все тексты были взяты из библиотеки Мошкова (<http://www.lib.ru>). Существует только в интернет-версии [Словарь русской литературы. Частотный словарь (по убыванию частоты) 2006].

мом, не отягощая представителей фемининных культур не подтверждёнными статистически негативными стереотипами, связанными с пассивностью и покорностью. Поведение русского народа во времена нашествий самопровозглашённых носителей активного и мужского начала продемонстрировало с достаточной наглядностью несоответствие данных стереотипов реальности.

Описанную выше маскулинизацию русской культуры можно вполне объяснить и в рамках перехода к индивидуалистическому мышлению с разрушением эгалитаризма в любых сферах общественной жизни, будь то стратификация по доходам, расслоение монолита советского общества на антагонистические национальные группы или распад гендерного равенства. Все эти процессы сводятся к общему знаменателю идеологии «каждый за себя и все против всех», лежащей в основе индивидуалистического общества, с сопряжённым с ней стремлением самообогащения за счёт других, будь то самообогащение финансовое или инструментализация других в каком-либо ином плане: получение удовольствий, выгодных социальных связей, эксклюзивного доступа к каким-либо ресурсам, карьерного роста и т.п. Соответственно, хотя и можно ввести отдельную дихотомию кросс-культурного анализа для обозначения эгалитаризма в отношениях мужчин и женщин, но тогда можно было бы ввести и дихотомии для обозначения отношений между социальными слоями, национальностями, поколениями и т.д.

В процессе трансформации русской культуры по лекалам «глобализации», т.е. американизации, фемининность/ коллективизм уступают характерным западной культуре маскулинности/ индивидуализму, что видно, среди прочего, по (а) распространению инвективов, лексики социального дарвинизма, уничижающих названий для различных групп населения, инструментализирующих названий для женщин, лексики, тематизирующей секс и насилие, (б) отказу от гиперкорректности, консерватизма и клише в речи, (в) отказу от прагматики, ассоциируемой в западной культуре с самоуничижением, и распространение прагматики, считавшейся в русской культуре до недавнего времени самовосхвалением, (г) потере диалогичности и дистанцированию от собеседника.

Идеологизация вопроса влияния культуры на язык, а также желание как западных, так и отечественных постсоветских авторов приписать любому характеризующему русскую культуру понятию, любой отличающей русский язык от английского характеристике влияние неких негативных идеологием или же культурем, якобы пагубных для развития русского народа, делают дискурс на данную тему крайне затруднительным и переводят его из научной плоскости в плоскость пропагандистскую. Вероятно, именно этим объясняется благосклонное внимание западных фондов к российским этнолингвистам в 1990-е годы и возникший в результате пласт литературы, в которой российские авторы – без попыток статистического и типологического анализа – представляют отличительные черты русского языка в негативном свете, даже если таковые встречаются и в некоторых языках западной культуры. Особенно характерно это для работ, вполне серьёзно «осуждающих» свободный порядок слов, безличные конструк-

ции и прочие характерные для синтетического строя особенности русской грамматики, но не обращающие внимание на те же характеристики в синтетических языках, используемых на Западе, особенно в исландском языке. Высказываемые в подобных работах идеологемы о якобы существующей связи между данными характеристиками русского языка и недостаточной степенью демократизации и либерализации русского общества выводятся, таким образом, из заведомо ложных предпосылок уникальности русского языка по сравнению с западными. Примечательно, что подобные работы предназначены исключительно для «внутреннего потребителя» и никогда не публиковались в европейских или американских изданиях.

С точки зрения терминологии следует обратить внимание на такие особенности русской культуры и женского стиля речи, как языковая гиперкорректность, склонность к пафосу, консерватизм, книжность выражений. Все эти понятия представляются некими отклонениями от нормы, некими ненормальностями по сравнению со стандартом. Ответ на вопрос, кто именно и когда установил этот стандарт, представляющий особенности русской культуры в качестве отклонений, весьма прост: он возник в конце 1980-х гг. под влиянием западных авторов и при финансировании западными фондами. В советской научной литературе были бы, например, невозможны ссылки на известного русоненавистника А. де Кюстина, тем более без указаний на то, что представляют из себя труды этого французского аристократа первой половины XIX века. Крайне сомнительны также распространенные ссылки на Солженицына и подобных деятелей, многократно уличённых во лжи и использовании финансовой помощи сил, настроенных к России/ СССР отнюдь не мирно и не благожелательно. Соответственно, в рамках дальнейшей научной дискуссии представлялась бы очень желательной смена терминологической базы. В частности, гиперкорректность русских, их языковой консерватизм во времена СССР – не является ли это положительной чертой по сравнению с «приватной грамматикой» немцев (т.е. пренебрежительным отношением к правилам грамматики во всех слоях общества) и бездумным заимствованием англицизмов большинством западных народов, что привело к расшатыванию норм их языков и резкому росту числа исключений в плане склонений и спряжений неологизмов? Дефиниции ключевых понятий культурологии, согласно которым русские являются негативным исключением из семьи «правильных» народов, является таким же видом цивилизационного давления, как и постсоветские учебники истории, в которых любые значительные сдвиги в развитии России представляются следствием влияния западной культуры.

Найденные в данной работе особенности русского языка, которые, возможно, связаны с фемининностью и/или коллективизмом российской культуры, относятся практически полностью к лексике и прагматике, но не к грамматическому уровню. Хотя нельзя исключить полностью, например, взаимосвязь многочисленности существительных женского рода с фемининностью культуры, нам представляется более вероятным диахронное объяснение. В частности, известно, что в русском количестве слов с

открытым слогом в конце (т.е. зачастую слов женского рода) значительно выше, чем в английском и некоторых других западных языках [Зеленецкий 2004: 64], что можно связать с универсалиями сериализации членов предложения [Зарецкий 2008: 128]. Склонность к открытым слогам облегчает и «феминизацию» существительных мужского рода в диалогах с детьми (*ded* > *deda*), тем более что дети легче воспринимают именно открытые слоги. Иных грамматических характеристик, связанных с культурами, обнаружить не удалось. Попытки соотнести, например, безличные конструкции и отсутствие артиклей в русском с некими культурами не выходят за пределы спекуляций. Соответственно, те культурологические особенности, которые действительно неоспоримы, отражаются в словарном запасе, в некоторых аспектах прагматики, но не в синтаксисе и морфологии.

Приложение 1. Частота употребления некоторых лексем в русском и английском языках

↓ – после 1991 г. лексема употребляется реже, чем раньше; ↑ – чаще, чем раньше; ≈ – примерно так же, как и раньше (указано при трёх и более источниках). Отсутствие английского эквивалента в колонке BNC (British National Corpus – Британский Национальный Корпус) обусловлено либо его малой частотностью употребления (не входит в самые частые 6318 лексем английского языка), либо недостаточным соответствием значению русского слова. Отсутствие лексем в колонках с русскими словарями (первые пять) обусловлено только низкой частотностью. Хотя самый современный словарь (С.Шаров, 2002 г.) частично основан на советских текстах, лучшей альтернативы ему на сегодня нет. Поскольку два частотных словаря существуют только в электронном виде (две последние колонки), в соответствующих сносках мы поместили их краткие описания, сделанные самими авторами. В колонках с печатными словарями (первые четыре) используется примерный подсчёт: 250-300 означает, что соответствующая лексема находится по частоте между 250 и 300, причём чем выше число, тем выше частотность употребления лексем. Все примерные подсчёты выполнены В.Морковкиным. Три из четырёх печатных советских словарей регистрируют частотность употребления лексем современного русского литературного языка вообще, четвёртый ограничивается языком советских газет (в нём, на наш взгляд, идеология коллективизма должна быть видна лучше всего).

Таблица 2. Частотность некоторых лексем в русском и английском языках.

Лексема	1953 ¹²⁰	1971 ¹²¹	1971 ¹²²	1977 ¹²³	2002 ¹²⁴	BNC ¹²⁵
<i>родина</i>	900-950	350-400	450-500	750-800	1262 ↓	– (<i>homeland, motherland, fatherland</i>)
<i>патриот</i>	–	–	1100-1200	2100-2200	10.291 ↓	– (<i>patriot</i>)
<i>доверие</i>	1800-1900	–	–	2300-2400	3714 ↓	1200 (<i>trust</i>)
<i>дружба</i>	1000-1100	1400-1500	300-350	800-850	1957 ↓	3138 (<i>friendship</i>)
<i>дружить</i>	–	2200-2300	–	–	4711 ↓	–
<i>дружный</i>	–	2000-2100	–	–	7575 ↓	2138 (<i>friendly</i>), – (<i>amicable</i>)
<i>дружно</i>	–	1300-1400	–	–	4392 ↓	– (<i>amicably</i>)
<i>заботиться</i>	2400-2500	650-700	–	–	4180 ↓	–
<i>собрание</i>	800-850	–	250-300	750-800	1905 ↓	504 (<i>meeting</i>)
<i>поддержка</i>	2100-2200	–	550-600	1700-1800	2647 ↓	493 (<i>support</i>)
<i>поддерживать</i>	1200-1300	–	–	1700-1800	2144	534 (<i>to support</i>)
<i>коллектив</i>	–	–	100-150	800-850	3494 ↓	–
<i>общественный</i>	750-800	–	150-200	350-400	1212 ↓	308 (<i>public</i>)
<i>помочь</i>	500-550	550-600	–	500-550	736 ↓	233 (<i>to help</i>)
<i>помогать</i>	750-800	100-150	–	750-800	857 ↓	
<i>чужой</i>	450-500	1000-1100	–	750-800	584 ↑	– (<i>alien</i>)
<i>братский</i>	–	–	300-350	1300-1400	8098 ↓	–
<i>взаимный</i>	–	–	950-1000	2000-2100	5026 ↓	3290 (<i>mutual</i>)
<i>частный</i>	–	–	1800-1900	2100-2200	1798 ↑	601 (<i>private</i>)

¹²⁰ Только самые частые 2500 лексем [Josselson 1953, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹²¹ Только самые частые 2500 лексем [Харакоз 1971, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹²² Только самые частые 2500 лексем [Полякова, Солганик 1971, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹²³ Только самые частые 2500 лексем [Засорина 1977, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹²⁴ Краткое описание со страницы <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>: «The list is compiled on the basis of a corpus of modern Russian. It contains a selection of modern fiction, political texts, newspapers, and popular science (about 40 million words, MW, fiction allocates for about half of the corpus). All texts were written originally in Russian between 1970 and 2002; the majority of them between 1980 and 1995, the newspapers corpus is from 1997-1999» [Шаров 2002].

¹²⁵ Краткое описание со страницы <http://www.kilgarriff.co.uk/bnc-readme.html>: «There is a lemmatised frequency list for the 6,318 words with more than 800 occurrences in the whole 100M-word BNC. The definition of a 'word' approximates to a headword in an EFL dictionary such as Longman's Dictionary of Contemporary English: so, eg, nominal and verbal "help" are listed separately, and the count for verbal "help" is the sum of counts for verbal "help", "help", "helping", "helped"» [Kilgarriff 1995].

пожалуй-ста	900-950	–	–	600-650	764 ↓	790 (<i>please</i>)
спасибо	750-800	–	–	600-650	733 ↓	1648 (<i>thanks</i>)
благодарить	1500-1600	–	–	1200-1300	2996 ↓	752 (<i>to thank</i>)
вдруг	50-100	150-200	850-900	200-250	130 ↑	863 (<i>suddenly</i>)
внезапно	1600-1700	–	–	1700-1800	1478 ↑	5810 (<i>unexpectedly</i>)
неожиданно	1200-1300	1900-2000	–	1100-1200	751 ↑	
неожиданный	1200-1300	–	–	1900-2000	1693 ≈	3392 (<i>unexpected</i>)
невозможно	2000-2100	2400-2500	–	1100-1200	898 ↑	1377 (<i>impossible</i>)
случиться	750-800	500-550	1300-1400	700-750	487 ↑	295 (<i>to happen</i>)
случаться	–	–	–	–	1994 ≈	
случайно	1200-1300	–	1300-1400	1700-1800	1342 ≈	– (<i>accidentally</i>)
странно	1300-1400	–	–	1500-1600	958 ↑	5477 (<i>strangely</i>)
произойти	650-700	950-1000	–	1000-1100	507 ↑	650 (<i>to occur</i>)
видимо	900-950	–	1000-1100	1300-1400	711 ↑	1272 (<i>apparently</i>), 4887 (<i>seemingly</i>)
мочь	50-100	0-50	–	0-50	32 ≈	37 (<i>can</i>)
суметь	1100-1200	–	–	1200-1300	1186 ↓	
сметь	150-200	–	–	1900-2000	3096 ↓	2802 (<i>to dare</i>)
победить	2300-2400	–	–	1400-1500	2438 ↓	408 (<i>to win</i>)
победитель	–	2300-2400	700-750	–	5011 ↓	1844 (<i>winner</i>)
успех	750-800	–	200-250	500-550	1150 ↓	721 (<i>success</i>)
успешный	–	–	650-700	–	6588	933 (<i>successful</i>)
успешно	–	–	500-550	1800-1900	4435 ↓	2490 (<i>successfully</i>)
добиваться	1900-2000	–	–	2000-2100	4096 ↓	824 (<i>to obtain</i>) 611 (<i>to achieve</i>)
добиться	1200-1300	1300-1400	–	950-1000	2133 ↓	
достичь	–	–	–	2400-2500	7885	
достигать	–	–	–	2100-2200	3562	
достигнуть	–	–	–	1900-2000	2514	
достижение	1700-1800	–	450-500	1300-1400	2915 ↓	1980 (<i>achievement</i>)
инициатива	2300-2400	–	600-650	2000-2100	4689 ↓	1704 (<i>initiative</i>)
активный	–	–	700-750	1700-1800	2413 ↓	1332 (<i>active</i>)
активно	–	–	1100-1200	–	4954	4394 (<i>actively</i>)
активность	–	–	1300-1400	–	5064	440 (<i>activity</i>)

хозяй- ственный	2100-2200	–	400-450	1800-1900	4673 ↓	1268 (<i>practical</i>)
само- стоя- тельный	–	–	–	–	3939	8968 (<i>independent</i>), – (<i>self-reliant, self-dependent</i>)
независи- мый	–	–	1800-1900	–	4314	1121 (<i>independent</i>)
независи- мость	–	–	1100-1200	1300-1400	5821	2023 (<i>independence</i>)
деловой	–	–	1500-1600	2300-2400	2615 ↓	1268 (<i>practical</i>)
деятель- ность	1100-1200	–	200-250	600-650	1074 ↓	244 (<i>business</i>), 440 (<i>activity</i>)
удаться	700-750	1300-1400	–	800-850	570 ↑	–
расте- рянно	–	–	–	–	3447	5374 (<i>embarrassed</i>), – (<i>perplexed</i>)
судьба	550-600	2300-2400	800-850	700-750	519 ↑	6184 (<i>destiny</i>), 3179 (<i>fate</i>)
душа	250-300	1000-1100	1000-1100	300-350	228 ↑	2283 (<i>soul</i>)
тоска	1600-1700	2400-2500	–	2400-2500	1736 ↑	– (<i>yearning, longing</i>)
женщина	250-300	900-950	1000-1100	250-300	166 ↑	141 (<i>woman</i>)
мужчина	1400-1500	1700-1800	1100-1200	1200-1300	381 ↑	–
женский	1500-1600	1400-1500	–	2100-2200	1078 ↑	1688 (<i>female, ADJ.</i>)
мужской	–	–	–	–	1751	1225 (<i>male, ADJ.</i>)
мать	300-350	250-300	600-650	150-200	207 ≈	354 (<i>mother</i>)
отец	150-200	200-250	750-800	150-200	165 ≈	436 (<i>father</i>)
мама	1200-1300	350-400	–	300-350	296 ≈	–
папа	–	1100-1200	–	850-900	918 ≈	–
жена	250-300	1600-1700	1300-1400	300-350	200 ↑	545 (<i>wife</i>)
муж	550-600	–	–	650-700	424 ↑	833 (<i>husband</i>)
девушка	650-700	1200-1300	1100-1200	450-500	326 ≈	–
юноша	1300-1400	–	1500-1600	2000-2100	1911 ≈	–
мальчик	750-800	100-150	–	750-800	320 ≈	486 (<i>boy</i>)
девочка	1100-1200	250-300	–	1000-1100	524 ≈	398 (<i>girl</i>)
бабушка	–	700-750	–	600-650	911 ↓	4363 (<i>grandmother</i>)
дедушка	–	700-750	–	1600-1700	1412 ≈	4291 (<i>grandfather</i>)
сын	200-250	350-400	550-600	350-400	272 ↑	630 (<i>son</i>)
дочь	700-750	2000-2100	–	1100-1200	785 ↑	879 (<i>daughter</i>)
брат	250-300	250-300	–	400-450	340 ≈	864 (<i>brother</i>)
сестра	1100-1200	450-500	–	1200-1300	813 ≈	1180 (<i>sister</i>)

Приложение 2. Стереотипы о мужчинах и женщинах (Россия) [Рябова 2001]

Мужчины: предприимчивость, решительность, настойчивость, стремление к достижению цели и к соревнованию, неконформизм, стремление к приключениям, отвага, самоконтроль, уверенность в своих силах, стремление к оригинальности, умение делать бизнес, властность, стремление к лидерству, доминирование, ответственность, объективность, амбициозность, сила, легкость в принятии решений, реалистичность, логичность, рациональность, склонность к размышлению, более быстрый ум, находчивость, способность отделить рациональные доводы от эмоциональных, неэмоциональность, невозбудимость, хладнокровие, самообладание, надежность, взвешенность, черствость, жизнерадостность, развязность, самоуверенность, бесчувственность, суровость, отсутствие сантиментов, резкость, эгоизм, агрессивность, жестокость, искущённость в вопросах секса, нежелание заводить семью, хвастливость.

Женщины: пассивность, нерешительность, осторожность, забота о соблюдении норм, конформизм, покорность, беспомощность, зависимость, безответственность, слабость, вера в то, что мужчины лучше женщин и выше их по статусу, пристрастность, меньшая способность рассуждать, иррациональность, нелогичность, некритичность восприятия, интуиция, эмоциональность, восприимчивость, внушаемость, чувствительность, легкая смена эмоциональных состояний, склонность к тревожности, жалобам, слезам, ранимость, истеричность, капризность, жертвенность, мягкосердечие, заботливость, дружелюбие, тактичность, вежливость, чувствительность к эмоциям другого, склонность к проявлению чувств, мягкость, нежность, застенчивость, скромность, любовь к детям, непостоянство, ненадежность, хитрость, болтливость, ворчливость, желание завести семью, трусость, боязливость, суетливость, опрятность, забота о своей внешности, религиозность, мечтательность.

ЛИТЕРАТУРА

- Andersen et al. 2002 – *Andersen P.A., Hecht M.L., Hoobler G.D., Smallwood M.* Nonverbal communication across cultures // W.Gudykunst, B.Mody (eds.). Handbook of International and Intercultural Communication, 2. ed. Thousand Oaks, 2002.
- Baron-Cohen et al. 2005 – *Baron-Cohen S., Knickmeyer R.C., Belmonte M.K.* Sex differences in the brain: Implications for explaining autism // *Science*, 310 (2005).
- Bernard 1998 – *Bernard M.L.* Gender interaction differences using computer-mediated communication: Can the Internet serve as a status equalizer? Wichita: Department of Psychology, Wichita State University. Available at: <http://psychology.wichita.edu/hci/projects/Gender&Internet.html>
- Braun 1998 – *Braun P.* Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten, 4. Aufl. Stuttgart, 1998.

- Carstensen 1980 – *Carstensen B.* Das Genus englischer Fremd- und Lehnwörter im Deutschen // W.Viereck (Hrsg.). Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche. Tübingen, 1980.
- Carstensen, Galinsky 1975 – *Cartensen B., Galinsky H.* Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache, 3. Aufl. Heidelberg, 1975.
- Casper-Hehne 1999 – *Casper-Hehne H.* Interkulturelle Kommunikation // Zeitschrift für Angewandte Linguistik, 31 (1999).
- Chapman 1998 – *Chapman S.* Collectivism in the Russian world view and its implications for Christian ministry // East-West Church and Ministry Report, 4 (1998).
- Coates 1986 – *Coates J.* Women, Men and Language. A Sociolinguistic Account of Sex Differences in Language. London, 1986.
- Dahl 2000 – *Dahl S.* Communications and culture transformation. Cultural diversity, globalization and cultural convergence. Barcelona: A project presented at the European University, 11.11.2000. Available at: <http://www.stephweb.com/capstone/capstone.pdf>
- Deutschbein 1928 – *Deutschbein M.* (Hrsg.). Handbuch der Englandkunde. Frankfurt am Main, 1928.
- Dittrich 1917 – *Dittrich O.* Individualismus, Universalismus, Personalismus. Berlin, 1917.
- Dumont 1991 – *Dumont L.* Individualismus. Zur Ideologie der Moderne. Frankfurt, 1991.
- Dunn 1999 – *Dunn J.* Язык и политика в постсоветской России // О.Ковачичова (ред.). Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX международный конгресс МАПРЯЛ, Братислава, Словацкая Республика, 16-21 августа 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. Братислава, 1999.
- Eckert, Sternin 2004 – *Eckert H., Sternin I.* Die russische Sprache im Umbruch. Lexikalische und funktionale Veränderungen im Russischen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. Studien zu Slavistik, 11. Hamburg, 2004.
- Eichhoff-Cyrus 2004 – *Eichhoff-Cyrus K.* Feminismus – eine gesellschaftspolitische Bewegung verändert die deutsche Sprache // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Roma, 2004.
- Epstein 2005 – *Epstein M.* Проективный лексикон русского языка. Available at: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar136.html>
- Falger 2001 – *Falger A.* Macht und Machtlosigkeit – Frauensprache in der Männerwelt. Stuttgart, 2001.
- Fink et al. 2000 – *Fink H., Fijas L., Shakhovskiy V.* Angloamerikanisches in der russischen Gesellschaft sowie Wirtschafts- und Alltagsprache. Frankfurt am Main, 2000.
- Gladrow 1989 – *Gladrow W.* (Hrsg.). Russisch im Spiegelbild des Deutschen. Leipzig, 1989.
- Glahn 2002 – *Glahn R.* Der Einfluss des Englischen auf gesprochene deutsche Gegenwartssprache, 2. Aufl. Frankfurt am Main, 2002.
- Gougeon 2002 – *Gougeon T.* Participation in computer mediated curriculum // International Electronic Journal for Leadership in Learning, 6 (2002).

- Gregersen 1979 – *Gregersen E.* Sexual linguistics // J.Orasanu, M.K.Slater, L.Loeb Adler (eds.). Language, Sex and Gender: Does la différence Make a Difference? New York, 1979.
- Gudykunst 1998 – *Gudykunst W.* Bridging Differences. Effective Intergroup Communication. Thousand Oaks, 1998.
- Gudykunst, Lee 2002 – *Gudykunst W., Lee C.* Cross-cultural communication theories // W.Gudykunst, B.Mody (eds.). Handbook of International and Intercultural Communication. Thousand Oaks, 2002.
- Gulyanska 2005 – *Gulyanska M.* Ost-West-Unterschiede in wirtschaftsrelevanten Teilgebieten der Persönlichkeit. Bochum, 2005.
- Hawkins 1986 – *Hawkins J.* A Comparative Typology of English and German: Unifying the Contrasts. London, 1986.
- Hofstede 2003 – *Hofstede G.* China. 2003. Available at: http://www.geert-hofstede.com/hofstede_china.shtml
- Hofstede 2002 – *Hofstede G.* Culture's Consequences, 2. ed. Thousand Oaks, 2002.
- Hofstede 1998 – *Hofstede G.* (ed.). Masculinity and Femininity: The Taboo Dimension of National Cultures. Thousand Oaks, 1998.
- Jablonski 1990 – *Jablonski M.* Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch. Tübingen, 1990.
- Kagitçibasi 1995 – *Kagitçibasi Ç.* A critical appraisal of individualism and collectivism // U.Kim, H.C.Triandis, Ç.Kagitçibasi, S.-C.Choi, G.Yoon (eds.). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Kainz 1965 – *Kainz F.* Psychologie der Sprache, Bd. 5. Stuttgart, 1965.
- Kempgen 1995 – *Kempgen S.* Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie. München, 1995.
- Kilgarriff 1995 – *Kilgarriff A.* BNC database and word frequency lists. Available at: http://www.kilgarriff.co.uk/BNC_lists/lemma.num
- Kluge, Seibold 2002 – *Kluge F., Seibold E.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 24. Aufl. Berlin, 2002.
- Köchner 1997 – *Köchner R.* (Hrsg.). Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1993-1997. München, 1997.
- Küpper 1997 – *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1997. CD-ROM (= Digitale Bibliothek, Bd. 36. Berlin, 2000).
- Lakoff 1979 – *Lakoff R.* Stylistic strategies within a grammar of style // J.Orasanu (ed.). Language, Sex and Gender. New York, 1979.
- Langenmayr 1997 – *Langenmayr A.* Sprachpsychologie. Göttingen, 1997.
- Larina 2005 – *Larina T.* Cultural values and negative politeness in English and Russian // *Respectus Philologicus*, 8 (2005).
- Leiss 2000 – *Leiss E.* Artikel und Aspekt: Die grammatischen Muster der Definitheit. Berlin, 2000.
- Leiss 1994 – *Leiss E.* Genus und Sexus. Kritische Anmerkungen zur Sexualisierung von Grammatik // *Linguistische Berichte*, 152 (1994).
- Linström 2004 – *Linström L.* The function of particles in rhetorical questions. A comparative analysis // *Filološki pregled*, 31 (2004).

- Lipovetsky 1995 – *Lipovetsky G.* Narziss oder die Leere: Sechs Kapitel über die unaufhörliche Gegenwart. Hamburg, 1995.
- Mácha 1964 – *Mácha K.* Individuum und Gesellschaft. Zur Geschichte des Individualismus. Berlin, 1964.
- Maignan et al. 2003 – *Maignan C.J., Ottaviano G.P., Pinelli D.* (eds.) Economic growth, innovation, cultural diversity. What are we all talking about? A critical survey of the state-of-the-art // FEEM Working Paper No. 12.2003. Available at: <http://www.feem.it/NR/rdonlyres/C5ACFACA-2117-4700-8C94-3ABFA6F9A3D1/690/1203.pdf>
- Matsumoto et al. 1998 – *Matsumoto D., Takeuchi S., Andayani S., Kouznetsova N., Krupp D.* The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules // *Asian Journal of Social Psychology*, 1 (1998).
- Mediacom 2005 – *Mediacom.* Исследование: мужчины и женщины по-разному воспринимают информацию в интернете, 19.08.2005. Available at: <http://www.mediacom.com.ua/ru/internet/24/>
- Moiseev 2004 – *Moiseev S.* The lonely heart of the world: nation-building and common values in Novosibirsk Oblast // P.Kolstø, H.Blakkisrud (eds.). *Nation-Building and Common Values in Russia*. Lanham, 2004.
- Myers 2002 – *Myers D.* *Social Psychology*, 7 ed. Boston, 2002.
- O'Driscoll 2001 – *O'Driscoll J.* Britain. The Country and its People: An Introduction for Learners of English, 8 ed. Oxford, 2001.
- Ohneiser 2000 – *Ohneiser I.* Aktuelle Wortbildung in der Slavia: Kongruenzen und Differenzen // L.Zybatow (Hrsg.). *Sprachwandel in der Slavia*, Bd. 1. Frankfurt am Main, 2000.
- Pethő, Heidrich 2005 – *Pethő E., Heidrich B.* Differences of language from a cross-cultural perspective // *European Integration Studies*, 4 (2005).
- Pfandl 2004 – *Pfandl H.* Wie gehen die slawischen Sprachen mit Anglizismen um? (Am Beispiel des Russischen, Tschechischen und Slowenischen) // B.Kettemann (Hrsg.). *Eurospeak*, Bd. 1, 2. Aufl. Frankfurt am Main, 2004.
- Postl 1991 – *Postl G.* Feministische Entwürfe zu Sprache und Geschlecht. Wien, 1991.
- Pulcini 2005 – *Pulcini E.* Das Individuum ohne Leidenschaften. Berlin, 2005.
- Pyo 1997 – *Pyo S.Y.* Die Einflüsse des Angloamerikanischen auf das heutige Russische unter besonderer Berücksichtigung der semantischen und morphologischen Untersuchung der neuen Anglizismen in der russischen Sprache (nach Materialien russischer Zeitungen und Zeitschriften aus den Jahren 1945-1985). Diss. Marburg/Lahn, 1997.
- Rivlina 2005 – *Rivlina A.* «Threats and challenges»: English-Russian interaction today // *World Englishes*, 24 (2005).
- Ruoff 1990 – *Ruoff A.* Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache: Gesondert nach Wortarten: alphabetisch, rückläufig-alphabetisch und nach Häufigkeit geordnet, 2. Aufl. Tübingen, 1990.
- Samel 2000 – *Samel I.* Einführung in die feministische Sprachwissenschaft, 2. Aufl. Berlin, 2000.

- Savicki et al. 1996 – *Savicki V., Lingenfelter D., Kelley M.* Gender language style and group composition in Internet discussion groups // *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2 (1996).
- Schabanowa 1996 – *Schabanowa O.* Wertedynamik in Russland // E.Janssen, U.Möhwald, H.D.Ölschleger (Hrsg.). *Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa*, Bd. 15. München: Philipp-Franz-von-Siebold-Stiftung, 1996.
- Schäfers, Zapf 2001 – *Schäfers B., Zapf W.* (Hrsg.). *Handbuch zur Gesellschaft Deutschlands*, 2. Aufl. Opladen, 2001.
- Shlapentokh 2004 – *Shlapentokh V.* Moscow's values: masses and elite // P.Kolstø, H.Blakkisrud (eds.). *Nation-Building and Common Values in Russia*. Lanham, 2004.
- Smith 1989 – *Smith P.* *Language, the Sexes and Society*. New York, 1989.
- Starkoff 1989 – *Starkoff C.* Beyond the melting pot: An essay in cultural transcendence // D.Gelpi (ed.). *Beyond Individualism: Toward a Retrieval of Moral Disclosure in America*. Notre Dame, 1989.
- Stavyts'ka 2005 – *Stavyts'ka L.* Argo, Jargon, Slang. The Social Differentiation of the Ukrainian Language. Kyjiv, 2005.
- Svennevig, Isaksson 2006 – *Svennevig J., Isaksson M.* How culture matters in international business: Strategies of intercultural communication in a joint venture between the Nordic and the Post-Soviet countries. 2006. Available at: <http://home.bi.no/a0210593/BBH-artikkel.pdf>
- Tannen 1995 – *Tannen D.* *Job-Talk*. Hamburg, 1995.
- Tannen 1994 – *Tannen D.* *Gender and Discourse*. Toronto, 1994.
- Triandis 1990 – *Triandis H.* Cross-cultural studies of individualism and collectivism // J.Berman (ed.). *Nebraska Symposium on Motivation*, 1989. *Cross-Cultural Perspectives*. Lincoln, 1990.
- Tyldum, Kolstø 2004 – *Tyldum G., Kolstø P.* Value concensus and social cohesion in Russia // P.Kolstø, H.Blakkisrud (eds.). *Nation-Building and Common Values in Russia*. Lanham, 2004.
- Viktorova 2005 – *Viktorova O.* National character in cross-cultural business communication // *Innovations and Reproductions in Cultures and Societies (IRICS)*. Conference Proceedings. Wien, 2005.
- von Polenz 1999 – *von Polenz P.* *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart*. Berlin, 1999.
- Walter 2003 – *Walter H.* Нужен ли изучающим русский язык (как иностранный) русский жаргон? // H.Walter (ред.). *Русское слово в мировой культуре*. X конгресс МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.). Greifswald, 2003.
- Walter, Mokienko 2001 – *Walter H., Mokienko V.* *Russisch-deutsches Jargon-Wörterbuch*. Frankfurt am Main, 2001.
- Wienges 2003 – *Wienges S.* *Westlicher Individualismus versus asiatische Werte*. Berlin, 2003.
- Wierzbicka 2006 – *Wierzbicka A.* *English: Meaning and Culture*. Oxford, 2006.
- Wierzbicka 2003 – *Wierzbicka A.* *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*, 2. ed. Berlin, 2003.

- Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, 1992.
- Wildhagen 1929 – *Wildhagen K.* Die englische Sprache, ein Spiegelbild englischen Wesens // M.Förster (Hrsg.). Britannica. Leipzig, 1929.
- Xiufang 1994 – *Xiufang J.* Kontakte, Konflikte und Kompromisse. Interkulturelle Kommunikation zwischen deutschen und chinesischen Mitarbeitern in einem Joint-Venture. Diss. Saarbrücken, 1994.
- Yaguchi et al. 2004 – *Yaguchi M., Iyeiri Y., Okabe H.* Style and gender differences in formal contexts: An analysis of sort of and kind of appearing in the Corpus of Spoken Professional American-English // *English Corpus Studies*, 11 (2004).
- Yamaguchi 1995 – *Yamaguchi S.* Collectivism among the Japanese: A perspective from the self // U.Kim, H.C.Triandis, Ç.Kagitçibasi, S.-C.Choi, G.Yoon (eds.). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Yau-Fai Ho, Chiu 1995 – *Yau-Fai Ho D., Chiu C.Y.* Component ideas of individualism, collectivism, and social organisation: An application in the study of Chinese culture // U.Kim, H.C.Triandis, Ç.Kagitçibasi, S.-C.Choi, G.Yoon (eds.). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Yogarajah 2001 – *Yogarajah J.* Gender bias in body language // *New Straits Times*, 02.10.2001. Available at: <http://adtimes.nstp.com.my/jobstory/2001/feb10d.htm>
- Аминова, Махмутова 2003 – *Аминова А., Махмутова А.* Аксиологические особенности концепта «женщина» в русском, английском и татарском языках // А.Андромонова (ред.). Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань, 2003.
- Аполлова 1977 – *Аполлова М.* Specific English (грамматические трудности перевода). М., 1977.
- Аракин 2005 – *Аракин В.* Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие, 3 изд. М., 2005.
- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.* Язык и мир человека, 2 изд. М., 1999.
- Афанасьева 1999 – *Афанасьева Н.* Об увеличении темпа разговорной речи // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 9. М., 1999.
- Багдасарова 2005 – *Багдасарова Н.* Эмоциональный опыт в контексте разных культур // *Человек*, 5 (2005).
- Базылев, Сорокин 1998 – *Базылев В., Сорокин Ю.* Речевой континуум и его дезоптимация // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 5. М., 1998.
- Бацевич 2002 – *Бацевич Ф.* Этнокультурные аспекты коммуникативного кодекса, или о русских максимах общения // *Культура народов Причерноморья*, т. 37. Симферополь, 2002.
- Белянин 2001 – *Белянин В.* Русский язык: тенденции развития // Материалы международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: МГУ, 2001.

- Березович 1999 – *Березович Е.* Русская национальная личность в зеркале языка // Н.Купина (ред.). Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- Березовчук 2002 – *Березовчук Л.* У феминизма не женское лицо // Октябрь, 1 (2002).
- Берия 2005 – *Берия С.* Гендер в языке. Славянский научно-просветительский центр. 2005. Available at: <http://slavcenter.ge/print.php?p=/art/20050606-124746>
- Богданович 2000 – *Богданович Г.* Сниженная лексика как объект лингвокультурологического осмысления // Культура народов Причерноморья, т. 35. Симферополь, 2000.
- Богуславская 2002 – *Богуславская О.* Разделительные вопросы в деловой английской речи (к проблеме интерференции) // Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты: Материалы науч.-практ. телеконф. Иваново, 2002.
- Болтенко 2002а – *Болтенко Э.* Вербализация эмоциональной сферы в современном немецком языке с гендерных позиций // Наука, культура, образование, 10 (2002).
- Болтенко 2002б – *Болтенко Э.* Стереотип как основание гендерных исследований в лингвистике // Вестник БСПУ, 4 (2002).
- Большой орфографический словарь русского языка 2004 – Большой орфографический словарь русского языка. CD-ROM. «Мультитрейд», 2004.
- Бреус 1998 – *Бреус Е.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998.
- Брызгунова 2004 – *Брызгунова Е.* Развитие морфологического и синтаксического аналитизма в русском языке // Л.Марина et al. (eds.). Russian Language: Its Historical Destiny and Present State. The Second International Congress of Russian Language Researchers. Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, March 18-21, 2004. Proceedings and Materials. М., 2004.
- Бурукина 2000 – *Бурукина О.* Фемининность русского языка и культуры // В.Красных (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 14. М., 2000.
- Быкова – *Быкова А.* Оценочная объективация образа женщины в пословицах и афоризмах русского и английского языков // Language and Literature, 18. Available at: <http://frgf.utmn.ru/journal/No18/text02.htm>
- Вавилова 2004 – *Вавилова Л.* Активизация эстетического начала в процессе эвфемизации современной русской речи // М.Ремнева et al. (eds.). Russian Language: Its Historical Destiny and Present State. The Second International Congress of Russian Language Researchers. Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, 2004. Proceedings and Materials. М., 2004.
- Валгина 2001 – *Валгина Н.* Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. М., 2001.
- Валгина 2003 – *Валгина Н.* Активные процессы в современном русском языке // Университетская книга, 2 (2003).
- Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

- Вербицкая 1999 – *Вербицкая Л.* Тенденции развития культуры речи на пороге XXI столетия // О.Ковачичова (ред.). Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX международный конгресс МАПРЯЛ, Братислава, Словацкая Республика, 16-21 августа 1999 г.; тезисы докладов и сообщений. Братислава, 1999.
- Владимирова 2003 – *Владимирова Л.* Межкультурная коммуникация и проблемы обучения иностранным языкам // А.Аминова et al. (ред.). Русская сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект. Казань, 2003.
- ВЦИОМ 2006 – Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2006 – <http://www.wciom.ru/?pt=158&article=2355>; <http://www.wciom.ru/?pt=158&article=2308>
- Гак 2003 – *Гак В.* О книге Шарля Балли «Язык и жизнь» // Ш.Балли. Язык и жизнь. М., 2003.
- Гвоздева 2004 – *Гвоздева А.* Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Горелик 2005 – *Горелик С.* Россия – абсолютный лидер по числу скинхедов // Утро, 108 (2005).
- Горошко 2001 – *Горошко Е.* Гендерная проблематика в языкознании // И.Жеребкина (ред.). Введение в гендерные исследования. СПб., 2001.
- Граудина 2002 – *Граудина Л.* Язык – стяг, дружину водит, царствами ворячает // Отечественные записки, 1 (2002).
- Гриценко 2003 – *Гриценко Е.* Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе // The Journal of Eurasian Research, 2 (2003).
- Грошев 1996 – *Грошев И.* К вопросу о половых различиях в процессе вербального и невербального общения в онтогенезе // The Cultural Historical Approach: Progress in Human Sciences and Education. М., 1996.
- Гудзенко 2003 – *Гудзенко А.* Русский менталитет. М., 2003.
- Даль 1880-1882 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, 2 изд. СПб., 1880-1882, CD-ROM (2003).
- Денисова 2003 – *Денисова А.* (ред.). Словарь гендерных терминов. М., 2003.
- Дилигенский 2000 – *Дилигенский Г.* «Запад» в российском общественном сознании // Общественные науки и современность, 5 (2000).
- Дубов 1997 – *Дубов И.* (ред.). Ментальность россиян. М., 1997.
- Егорова 2001 – *Егорова Л.* Гендерные стереотипы в управлении (По материалам социологического исследования) // Гендерные стереотипы в социокультурных процессах средних городов России (региональные аспекты). Материалы круглого стола, Ивановский государственный университет, 14.12.2001. Available at: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/library/text/konf/006.pdf>
- Елистратов 2001 – *Елистратов В.* Как говорит современная российская молодежь. М., 2001.

- Еремеев 2002 – *Еремеев Я.* Национально-культурные и языковые особенности британских и российских директивных высказываний. Интернет-страница д-ра фил. наук Я.Еремеева, 2002, <http://antinomy.narod.ru/sbor.htm>
- Еременко 2004 – *Еременко О.* Основные тенденции развития категории *nomina feminina* в современном русском литературном языке // М.Ремнева et al. (eds.). *Russian Language: Its Historical Destiny and Present State. The Second International Congress of Russian Language Researchers.* Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, 2004. *Proceedings and Materials.* М., 2004.
- Ефремова 2000 – *Ефремова Т.* Новый словарь русского языка. М., 2000. CD-ROM-издание (2003).
- Жданова 2003 – *Жданова В.* «Русскость» в свете лингвистического эксперимента // В.Красных (ред.). *Язык, сознание, коммуникация*, т. 23. М., 2003.
- Жлуктенко 1964 – *Жлуктенко Ю.* Українсько-англійські міжмовні відносини. Київ, 1964.
- Журналистов надо учить и учить! 2000 – Журналистов надо учить и учить! // *Независимая газета*, 229 (2000).
- Зарецкая 2002 – *Зарецкая Е.* Риторика. Теория и практика речевой коммуникации, 4 изд. М., 2002.
- Зарецкий 2008 – *Зарецкий Е.В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань, 2008.
- Засорина 1977 – *Засорина Л.* (ред.). Частотный словарь русского языка. М., 1977.
- Захаров 2000 – *Захаров Н.* Специфика социальной системы России. Ижевск, 2000.
- Захарова 2003 – *Захарова М.* Безличные предложения в культурологическом аспекте // А.Андромонова (ред.). *Сопоставительная филология и полилингвизм.* Казань, 2003.
- Зеленецкий 2004 – *Зеленецкий А.* Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004.
- Зеленецкий, Монахов 1983 – *Зеленецкий А., Монахов П.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
- Земская 2000 – *Земская Е.* Активные процессы современного словопроизводства // Е.Земская (ред.). *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, 2 изд. М., 2000.
- Земская et al. 1993 – *Земская Е., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Е.Земская (ред.). *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993.
- Зусман 1997 – *Зусман В.* Немецкое // В.Зусман, А.Фролов (ред.). *Межкультурная коммуникация.* Новгород, 1997.
- Ивин 2000 – *Ивин А.* Философия истории. М., 2000.

- Игнатъева 2000 – *Игнатъева Л.* Комплимент как риторический жанр. Рига, 2000.
- Институт исследования общественного мнения 2003 – Институт исследования общественного мнения. 2003. Available at: <http://bd.fom.ru/report/map/of030706>
- Институт исследования общественного мнения 2004 – Институт исследования общественного мнения. 2004. Available at: <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/tb044107>
- Институт исследования общественного мнения 2006 – Институт исследования общественного мнения. 2006. Available at: <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/xenophobia/tb061611>
- Казакова 2001 – *Казакова Т.* Translation Techniques English-Russian. Практические основы перевода. СПб., 2001.
- Карасик 2001a – *Карасик В.* Лингвокультурные характеристики английского юмора. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Карасик 2001b – *Карасик В.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.
- Карасик 2002, 2004 – *Карасик В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс, 1 изд.: Волгоград, 2002; 2 изд.: М., 2004.
- Киевский Международный Институт Социологии 2003 – Киевский Международный Институт Социологии. Результати порівняльного міжнародного дослідження «Сучасне і майбутнє трьох ключових пострадянських країн (Азербайджан, Росія, Україна). Погляд молодих». Available at: <http://www.kiis.com.ua/txt/110703/tables.htm>
- Кирилина 1999 – *Кирилина А.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
- Кирилина 2001 – *Кирилина А.* Мужественность и женственность как культурные концепты // И.Стернин (ред.). Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Кирилина 2004 – *Кирилина А.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004.
- Кирилина, Томская 2005 – *Кирилина А., Томская М.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки, 2 (2005).
- Клименко 1999 – *Клименко А.* Перевод. Ремесло перевода. М., 1999.
- Козлова 2001 – *Козлова Л.* Концепт личного пространства и способы его языковой представленности (на материале английского языка в сопоставлении с русским) // Вестник БСПУ, 1 (2001).
- Колесов 1999 – *Колесов В.* Жизнь происходит от слова. СПб., 1999.
- Колесов 2001 – *Колесов В.* Язык и ментальность. СПб., 2001.
- Комиссаров 1990 – *Комиссаров В.* Теория перевода. М., 1990.
- Корнилов 2003 – *Корнилов О.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов, 2 изд. М., 2003.
- Корунець 2003 – *Корунець І.* Порівняльна типологія англійської та української мов, 2 изд. Вінниця, 2003.
- Корчагина 1997 – *Корчагина И.* Парадоксы души русской женщины. М., 1997.

- Космеда 2002 – *Космеда Т.* Коммуникация в средствах массовой информации: эвфемизмы современной газеты // Культура народов Причерноморья, т. 49(2). Симферополь, 2002.
- Котлова, Рябова 2001 – *Котлова Т., Рябова Т.* Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Гендерные стереотипы в социокультурных процессах средних городов России (региональные аспекты), материалы круглого стола. Ивановский государственный университет, 14.12.2001. Available at: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/library/text/konf/006.pdf>
- Кравченко 2004 – *Кравченко А.* Социология девиантности. Интернет-библиотека МГУ, 2004. Available at: <http://lib.socio.msu.ru>
- Красавский 2001 – *Красавский Н.* Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) // И.Стернин (ред.). Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Красных 2002 – *Красных В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Крысин 2000 – *Крысин Л.* Эвфемизмы в современной русской речи // Е.Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995), 2 изд. М., 2000.
- Кузнецова 2004 – *Кузнецова Д.* Закономерности использования русских частиц, приглашающих к согласию // А.Аминова (ред.). Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань, 2004.
- Куликова 2004 – *Куликова Л.* Тип культуры и национальный коммуникативный стиль // Вестник Воронежского Государственного университета. Филология, журналистика, 2 (2004).
- Левада-центр 2006a – Левада-центр. 2006. <http://www.levada.ru/takoemnenie.html>
- Левада-центр 2006b – Левада-центр. 2006. <http://www.levada.ru/press/2006022207.html>
- Левицкая, Фитерман 1963 – *Левицкая Т., Фитерман А.* Теория и практика перевода с английского языка на русский. М., 1963.
- Леонтович 2005 – *Леонтович О.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.
- Линник 2002 – *Линник Н.* Вживання зниженої лексики у мові друкованих засобів масової інформації та її вплив на норми літературної мови // Культура народов Причерноморья, т. 49(2). Симферополь, 2002.
- Лихачёва 2001 – *Лихачёва А.* Образ современного русского телезрителя по данным обращённых к нему текстов // Материалы международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». МГУ, 13-16.07.2001. Available at: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/stilist_sys.doc
- Максименко 2001 – *Максименко О.* Влияние языка на осуществление утопии // З.Резанова (ред.). Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников Всероссийской школы молодых учёных (1-3 ноября 2001 года). Томск, 2001.

- Макшанцева 1997 – *Макшанцева Н.* Русское; Соборность; Воля; Удаль; Беспредельность; Тоска; Вера // В.Зусман, А.Фролов (ред.). Межкультурная коммуникация. Новгород, 1997.
- Маслова 2001 – *Маслова В.* Лингвокультурология. М., 2001.
- Мельник 2001 – *Мельник П.* К вопросу о грамматических трансформациях при переводе. М., 2001.
- Мечковская 2000 – *Мечковская Н.* Социальная лингвистика, 2 изд. М., 2000.
- Мещерякова 2004 – *Мещерякова Ю.* Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Министерство Обороны РФ 2003 – Министерство Обороны Российской Федерации. Основные приоритеты строительства Вооружённых Сил РФ. 2003. Available at: <http://www.mil.ru/articles/article3959.shtml>
- Митрошенков 2005 – *Митрошенков О.* Наполовину читающая страна // Культура, 10 (2005).
- Морковкин 1985 – *Морковкин В.* (ред.). Лексические минимумы современного русского языка. М., 1985.
- Москва попала в десятку самых невежливых городов мира 2006 – Москва попала в десятку самых невежливых городов мира // Известия. 20.06.2006. Available at: <http://www.izvestia.ru/news/news109319/>
- Мухин 2000 – *Мухин А.* Сопоставительное исследование переходных глаголов и перевод // И.Недялков (ред.). Материалы конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения», 23-25 октября 2000 г. СПб., 2000.
- Некрасова 1999 – *Некрасова Е.* Popular English Grammar. М., 1999.
- Никипорец-Тагикава 2004 – *Никипорец-Тагикава Г.* Языковая норма в постсоветской социокультурной ситуации // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 26. М., 2004.
- Николаев 2000 – *Николаев С.* Ещё раз про любовь к английскому // Литературная газета – Юг России, 12 (2000).
- Омельченко 2000 – *Омельченко Т.* Проблема языковой картины мира в социологии культуры // Вестник Волгоградского Государственного Университета, 3 (2000).
- Опарина 1999 – *Опарина Е.* Язык и культура. М., 1999.
- Осиновская – *Осиновская О.* Гендерные аспекты переводов трагедии У.Шекспира «Гамлет» // Language and Literature, 19. Available at: <http://frgf.utmn.ru/journal/No19/text07.htm>
- Перловский 2003 – *Перловский Л.* Сознание, язык и математика // Звезда, 2 (2003).
- Подобин, Зимина 1956 – *Подобин В., Зимина И.* (ред.). Русские пословицы и поговорки. Л., 1956.
- Полежаев 2003 – *Полежаев Д.* Историческое предназначение народа и его отражение в национальном менталитете // Наука, искусство, образование в культуре III тысячелетия: матер. межд. науч. конф. (10-11 апр. 2002 г.). Волгоград, 2003.

- Полищук 1999 – *Полищук В.* О некоторых трудностях и условиях успешности американо-иноязычной межличностной коммуникации // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 17. М., 1999.
- Потапов 2000 – *Потапов В.* Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // А.Кирилина (ред.). Гендер как интрига познания. М., 2000.
- Привалова 2001 – *Привалова И.* Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 18. М., 2001.
- Привалова 2002 – *Привалова И.* Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 22. М., 2002.
- Прохвачева 2000 – *Прохвачева О.* Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Прохоров 1996 – *Прохоров Ю.* Национально-социокультурные стереотипы общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- Рецкер 1981 – *Рецкер Я.* Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1981.
- Розенталь 1972 – *Розенталь М.* (ред.). Философский словарь, 3 изд. М., 1972.
- Рощина 2004 – *Рощина Ю.* Лексика, связанная с современными информационными технологиями, и процесс анализации русской грамматики // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 28. М., 2004.
- Рыбаков 2005 – *Рыбаков М.* Сопоставительно-типологическое языкознание. М., 2005.
- Рябов 2000 – *Рябов О.* «Россия – Сфинкс»: гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // А.Кирилина (ред.). Гендер как интрига познания. М., 2000.
- Рябова 2001 – *Рябова Т.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Гендерные стереотипы в социокультурных процессах средних городов России (региональные аспекты), материалы круглого стола, Ивановский государственный университет, 14.12.2001. Available at: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/library/text/konf/006.pdf>
- Савельева 1995 – *Савельева Л.* Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности // Т.А.Каракан (ред.). Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.
- Семёнов 2003 – *Семёнов В.* Цивилизационное и культурное своеобразие России // *Обозреватель*, 9 (2003).
- Семенюк 2002 – *Семенюк О.* Мова епохи та мовна особистість у сатирико-гумористичному тексті. Автореф. дис. ... д-ра філол. наук. Киев, 2002.
- Серебрякова 2001 – *Серебрякова В.* Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах //

- В.Кашкин (ред.). Язык, коммуникация и социальная среда, т. 1. Воронеж, 2001.
- Сикевич 2004 – *Сикевич З.* Русский менталитет и базовые ценности. Информационное агентство Росбалт, 27.09.2004. Available at: <http://ruport.com.ru/st/st1/fr37.html>
- Скляревская 2001 – *Скляревская Г.* Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам, т. 6. Сеул, 2001.
- Словарь русской литературы. Частотный словарь (по убыванию частоты) 2006 – Словарь русской литературы. Частотный словарь (по убыванию частоты). Available at: <http://www.serann.ru/vocabuli/litb-win.zip>
- Слышкин 2001 – *Слышкин Г.* Межкультурная компетенция и концепт *перевод* // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.
- Стеблецова 2004 – *Стеблецова А.* К исследованию национальных деловых коммуникативных культур // Вестник Воронежского государственного университета. Филология, журналистика, 2 (2004).
- Степанов 1997 – *Степанов В.* Редакционная подготовка изданий переводной литературы: конспекты лекций. М., 1997.
- Степанов 2001 – *Степанов Ю.* Константы: словарь русской культуры, 2 изд. М., 2001.
- Стернин 1996 – *Стернин И.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Н.Уфимцева (ред.). Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Стернин 2002 – *Стернин И.* О национальном коммуникативном сознании. Интернет-страница Воронежского госуниверситета, 2002. Available at: http://www.comch.ru/~rpr/sternin/articles_rus.html
- Стернин 2005a – *Стернин И.* Язык и национальное сознание // Логос, 4 (2005).
- Стернин 2005b – *Стернин И.* Толерантность и коммуникация // Н.Купина, М.Хомяков (ред.). Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005.
- Стефаненко 2004 – *Стефаненко Т.* Этнопсихология, 3 изд. СПб., 2004.
- Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Треблер 2004 – *Треблер С.* К характеристике русского национального языкового сознания // М.Ремнева (ред.). Russian Language: Its Historical Destiny and Present State. The Second International Congress of Russian Language Researchers. Moscow: Moscow State University, Faculty of Philology, 2004. Proceedings and Materials. М., 2004.
- Трестерова 1999 – *Трестерова З.* Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в некоторых особенностях русского языка // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков, т. 2. Братислава, 1999.
- Троицкая, Шумилов 1999 – *Троицкая Е., Шумилов А.* Великий и могучий во дни тревог и сомнений // Санкт-Петербургский университет, 26 (1999).

- Туманова 2003 – *Туманова О.* Теоретические и прикладные аспекты языкового образования в логике кросс-культурного подхода // *Inter-Cultur@I-net*, 2 (2003).
- Турунен, Харченкова 2000 – *Турунен Н., Харченкова Л.* Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // В.Кашкин (ред.). Русское и финское коммуникативное поведение, т. 1. Воронеж, 2000.
- Узилевский, Минакова 2001 – *Узилевский Г., Минакова М.* К проблеме оснований антропологической парадигмы языкознания (фразеология как средство сопоставительного анализа менталитета разных народов) // *Материалы международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. МГУ, 13-16.07.2001. Available at: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/stilist_sys.doc
- Уфимцева 1996 – *Уфимцева Н.* Русские: опыт ещё одного самопознания // Н.Уфимцева (ред.). Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Ферм 1994 – *Ферм Л.* Особенности развития лексики в новейший период (на материале газет). Уппсала, 1994.
- Филиппова 2001 – *Филиппова М.* Межкультурные трудности носителей русского языка при восприятии иронии и сарказма на английском языке // *Материалы международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. МГУ, 13-16.07.2001. Available at: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/stilist_sys.doc
- Хроника *#+%@!!!!!! 2006 – *Хроника *#+%@!!!!!!* // *Washington ProFile*, 29.03.2006. Available at: <http://www.washprofile.org/en/node/4723>
- Цветкова 1997 – *Цветкова М.* Английское; Дом; Свобода; Приватность; Честная игра; Сдержанность; Джентельменство; Наследие; Юмор; Здравый смысл // В.Зусман, А.Фролов (ред.). Межкультурная коммуникация. Новгород, 1997.
- Чернышева 2004 – *Чернышева А.* Грамматические показатели русской ментальности // А.Аминова (ред.). Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань, 2004.
- Чучин-Русов 1996 – *Чучин-Русов А.* Гендерные аспекты культуры // *Общественные науки и современность*, 6 (1996).
- Шаповалова 2003 – *Шаповалова Г.* Інноваційні процеси в сучасному медіатексті (функціонально-лінгвістичні аспекти). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Киев, 2003.
- Шаров 2002 – *Шаров С.* The frequency dictionary for Russian. Russian Research Institute of Artificial Intelligence, 2002. Available at: <http://www.artint.ru/projects/frqlist/lemma.num.zip>
- Швачко et al. 1977 – *Швачко К.К., Терентьев П.В., Янукян Т.Г., Швачко С.А.* Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков. Киев, 1977.